

Малик Уразбаев

БЕСПРИЧАСТНЫЙ

Малик Уразбаев

БЕСПРИЧАСТНЫЙ

©2020

Вот, блин, шит...

Иммануил Гавриилович Ньюшкин изнывает на скамейке...

Над модной небрежной поутру укладкой его кучатся, застилают блеклое осеннее солнце, серые небеса грязно-белые рыхлые облака.

Под ними на толстых сучьях деревьев шевелится паутина ветвей, на них подрагивает тронутая желтизной листва.

На уровне чуть прикрытых глаз - мегаполис пешей доступности: симбиоз классического сквера со сборно-разборной детской игровой площадкой с множественными следами взрослого вандализма. Там шестилетний Герман Иммануилович в кислотно-желтой курточке, красных штанишках резвится в компании таких же ярких сверстников. Их соглядатаи безликими

фигурами располагаются на скамейках по соседству.

Под подошвами модных мокасин лежит елочкой, надежно скрывает утоптанную веками городскую почву бурая дорожная плитка.

В организме, в душе у Ньюшкина неимоверно маетно. С самого утра страшно сушит рот, мутит, гудит голова...

Накануне Иммануил в тесном кругу ближайших друзей-приятелей, их жен, подруг, потомков праздновал свой день рождения, который как нельзя кстати совпал с завершением ремонта в новой квартире.

По такому счастливому совпадению чета Ньюшкиных вопреки обычаю отмечала торжественное событие на дому, убивала разом двух зайцев: хвасталась улучшенной жилплощадью с евроремонтом и годовщину не забыла.

Клара придирчиво заказала в ресторане роскошный ужин на двенадцать персон, а также пиццу, картофель фри, газировку, фокусника или клоуна для детей.

Ньюшкин перекидывает ноги слева направо

во, справа налево, расставляет их на уровень плеча, расставляет на уровне плеч, расставляет шире, расставляет уже, сгибает в коленях, разгибает, вытягивает, - облегчение не приходит. В голове его несвязные обрывки воспоминаний о празднестве мечутся, словно уличный мусор на ветру, отдаются в ушах нестройным гулом давешних разговоров...

Разговоры эти, так или иначе, касались 33-летия Иммануила Гаврииловича, соответственно, "возраста Христа", следовательно, параллели напрашивались сами собой...

Конечно, никто из приглашенных не соби-рался сравнивать - даже в шутку - достижения москвича Ньюшкина И.Г. (квартира в самом центре города, дом в престижном дачном поселке, круглые счета в банках, инвестиционный портфель, два автомобиля, красавица жена, сын-красавец) с убогим назаретянином, который кончил на кресте неимущим бродягой, однако лишь упоминание о нем привело рожденника в необъяснимое его пониманию состояние крайней растерянности, недоумения...

Юрисконсульт Кошкин многозначительно заметил невпопад, что в настоящее время божий отпрыск проходил бы по 282-й статье, наказания раньше были не в пример суровей, хотя при Сталине по уголовным делам выносилось намного больше оправдательных приговоров...

Гусев посетовал на избалованность подрастающего поколения, особенно потомков слишком высокопоставленных родителей, которым всегда всюду позволено все...

Супруга Щукина предложила не говорить ни о политике, ни вообще о Сталине с Путиным или без него, не омрачать ими такой светлый радостный день. Щукин согласился, назвал супругу "моей рыбкой", незамедлительно предложил снова выпить за хозяина торжества.

Также незамедлительно Собакин, который к всеобщему удивлению пришел без жены, потому был крайне любезен, предупредителен со всеми присутствующими дамами сразу, его поддержал, произнес длинный замысловатый тост, в итоге снова свернул к Христу с его возрастом. Здраница прозвучала почти упрямком...

В этот момент Герман Иммануилович с Танеч-

кой Щукиной уронили редкий фикус в огромном арт-декошном горшке. Все бросились воспитывать детей, помогать Кларе, об Иисусе совсем позабыли.

Собакин воспользовался суматохой, подмигнул, под общий шумок угостил Иммануила треугольной оранжевой таблеткой.

Потом пришли Комаровы с сыном, наскоро оценили квартиру, сделанный ремонт, похвалили, "штрафные" подняли, в свою очередь помянули Спасителя... мимоходом, поскольку глаза разбегались от яств.

Клара честно призналась, что все блюда заказала в популярном ресторане, сняла с себя всю ответственность.

Ольга Щукина, Лариса Комарова, очередная подруга Кошкина единодушно одобрили выбор ресторана, поступок вообще... Щукин назвал супругу "моей рыбкой", однако строго заметил, что девочка уметь готовить должна.

Женщины смело запротестовали...

Кошкин с неодобрением высказался о ювенальной юстиции.

Собакин вспомнил, что "дорогую красавицу хозяйку" еще не чествовали. Оплошность все тут же взялись исправлять без задержки.

Высокопарное слово взял на себя Гусев, опять-таки вернулся к Святому семейству...

Очередная подруга Кошкина поинтересовалась у собрания возрастом супруги "того самого Иисуса, которого играл Сергей Безруков". Собрание посмотрело на Кошкина. Выпили молча, застучали фальшивым антикварным серебром по новоделному севрскому фарфору.

Появились взмыленные дети, заявили, что тоже хотят есть.

Клара пошла в кухню, чтобы их накормить, вместе с тем разогреть горячее для взрослых. Щукина, Комарова дружно взялись ей помочь.

Очередная подруга Кошкина сказала Кошкину: "Какие милые и послушные детишки. И совсем никому не мешают. Ведь правда, котик?"

Гусев хотел заржать, но только прыснул.

Щукин призвал всех "это дело перекурить", глубоким грудным басом обратился к Иммануилу: "Как на работе, старик?"

Кошкин вдруг тоже заинтересовался работой Ньюшкина, сообщил, что в правительстве - по неподтвержденным слухам - готовят новый законопроект, который существенно упростит сделки с муниципальной недвижимостью...

Надо будет папе обязательно сказать... вот он обрадуется...

Из кухни вернулись женщины, долго звенели посудой: на столе появились запеченная с картофелем баранья лопатка, петух в красном вине, лосось под белым соусом.

Собакин потер ладоши, подмигнул всем зараз, наполнил бокалы, фужеры, рюмки, вновь заговорил о магии числа 33...

Сидевший по правую руку от Иммануила пьяный в смерть Яблоков ожил, встал во весь свой невеликий рост, Собакина перебил, клятвенно всем пообещал, что теперь-то уж "наш дорогой и любимый Моня" непременно совершит что-нибудь по-настоящему великое, грандиозное...

Очередная подруга Кошкина радостно воскликнула "вау!", успела несколько раз хлопнуть в ладоши.

Пессимистичный пиарщик Гусев дипломатично цветасто посетовал на - увы - такое негероическое наше время, когда люди - настоящие люди с большой буквы - вынуждены бездействовать, что обрекает их на незаслуженное небытие, а также полнейшее забвение.

Тогда все, кроме очередной подруги Кошкина и возмутителя спокойствия Яблокова, разом наперебой жарко заспорили, затараторили... Среди всеобщего шума Клара торжественно анонсировала праздничный десерт со свечами. В гостиную с гиком ворвались всеслышащие дети...

Свой голос Иммануил почти не слышит, потому как весь вечер больше молчал, а когда говорил, то большей частью благодарил гостей за дружеские поздравления, наилучшие пожелания, полные пьяного оптимизма напутствия "главное, сейчас не расслабляться"...

Он всем своим существом чувствует неотвратимое приближение приступа тошноты, с трудом сглатывает слюну, отрывает взгляд от мельтешащих у покосившейся горки ярких пятен, оглядывает сквер.

На соседних скамейках секретничают три бабки по внешнему виду на три четверти из прошлого века, читает журнал важного вида дедок, который напоминает бравого капитана с коробки рыбных палочек, в плаще, с зонтом-тросточкой, качает коляску плотная молодая мамаша в хиджабе, разноцветная нарядом мо-

лодая мамаша без хиджаба шустро водит пальцем по экрану планшета.

Как ни хочется срочным образом излечиться от тяжелейшего похмелья, связываться с такой компанией по воскресной прогулке Ньюшкин не намерен. Он с тоской смотрит на проглядывающую между стволами деревьев витрину продуктового магазина, на открытую дверь кафе-бара по соседству, на черный штендер с выведенной желтым мелком крупной воскресной скидкой перед ней. В его голове возникает именно число 33...

- Вот блин... Совершишь тут что-нибудь, когда не отойти никуда... - сокрушается Иммануил, снова сглатывает набежавшую полный рот слюну, трет ладонями виски, ощупывает горячий влажный лоб...

Совершать что-либо грандиозное великое в своей жизни Иммануил Гавриилович Ньюшкин никогда никому не обещал.

В раннем детстве ему, как многим, если не всем, морочили самое блестящее будущее. Родители с энтузиазмом записывали Монечку во всевозможные школы, клубы, студии с целью развития у ребенка всех многочисленных способностей чохом, однако к началу пубертатного периода стало понятно, - либо развивать было нечего, либо копать следовало гораздо глубже.

В один прекрасный день дедушка Леонард не выдержал внеклассной нагрузки, со всей возможной деликатностью заявил своей дочери и зятю: "Отстаньте, наконец, от мальчика! Пусть живет, какой уж есть...", после чего от воспитания внука самоустранился.

Семейная ссора длилась три года. За это время

Иммануил стахановским методом освоил акробатический вальс и пасодобль, художественную фотографию, большой теннис (до перелома мизинца на правой руке), бадминтон, заучил наизусть тридцать восемь китайских иероглифов, но таланта ни в чем, ни к чему не проявил.

Софья Леонардовна и Гавриил Григорьевич были крайне разочарованы. Тихими московскими телевечерами они стали чаще садиться по разные стороны дивана, чтобы оттуда громче попрекать друг друга...

Вечно так продолжаться не могло: до окончания одиннадцатилетки оставалось совсем недолго. В полном отчаянии Софья Леонардовна сдалась, позвонила своему отцу за советом.

Дедушка Леонард не стал злопамятствовать, из опалы вернулся первым же рейсом с тремя пересадками, в корне пресек все родственные распри, тактично доказал, что природе для полноценного отдыха одних детей гениев недостаточно. "Наконец, в складывающемся ныне новом укладе общества неординарность будет являться скорее помехой, нежели подспорьем", - резюмировал свою научно-

популярную речь он.

Дедушка Леонард был очень авторитетным энтомологом и по совместительству этологом, профессором четырех столичных университетов, одного провинциального, регулярно читал доклады на Западе, лекции на Востоке.

В этот раз отмахнуться от научного подхода к проблеме ни один из родителей ни аргументированно, ни эмоционально не посмел.

Софья Леонардовна вздохнула, утешилась уже тем, что отец не стал в очередной раз упрекать ее малообдуманном браком "с каким-то провинциальным парвеню".

Еще больше таким умозаключением ученого тестя утешился Гавриил Григорьевич, который нешуточно опасался, что провал вундеркин-дизации ребенка спишут на его не шибко гениальную - даже по его собственному мнению - генеалогию.

Поздним вечером после семейного схода Гавриил Григорьевич зашел в комнату засы-

пающего сына. Ему очень хотелось подбодрить свою кровь, произнести речь достойную бессмертного напутствия темного скромного родителя небезызвестного Павла Ивановича.

- Моня, не ворочайся... - торжественно молвил Ньюшкин-старший, - Моня, ты меня слышишь? И выгаци наружу обе верхние конечности... Так... хорошо... Теперь, сын мой, внимательно послушай своего родного отца... Слушай, Моня, меня внимательно и тщательным образом запоминай... запомни... отложи хорошенько навсегда в твоей молодой крепкой памяти... Ты, Моня... ты не расстраивайся... Ты... Это неважно, что ты... совершенно не важно... Все это - глупости... Ты лучше послушай меня... Послушай, что тебе говорит родной отец, который тебе плохого не насоветует... Чем больше знаний, мечтаний и... и... то тем больше в жизни... Как там это было у древних?.. Э-э... чем больше знаний, тем больше грусти и... грусти и... и прочего, как сейчас это говорится, разного геморроя в голове... Намного больше... намного... Моня, ты меня слышишь? Хорошо... Так... да... в общем так... а чем больше... чем больше и больше... э-э... материальных средств... средств в самом широ-

ком значении этого слова... то тем нам лучше... тем меньше геморроя... И еще... еще, когда есть средства, то всегда все можно себе купить... приобрести... сторговать... хоть бы и билет в первый класс... Слышишь, Моня? В самый первый класс... в самый главный первый класс...

Иммануил не уловил суть отцовского наставления, поскольку семья Ньюшкиных всегда летала только первым классом, но ничего уточнить на грядущий перед сном онанизм не стал.

"По подворотням да парадным не шляется - и слава богу...", - подвела черту под все семейными экспериментами по выращиванию из любимого чада чуда некрепкая разумом бабушка Роза.

С тех пор никто, никогда, никаких специальных надежд на Иммануила Гавриловича более не возлагал. Он кое-как сдал ЕГЭ, по протекции Гавриила Григорьевича поступил на платное отделение в ГУЗ, благополучно получил диплом кадастрового инженера, задним числом был зачислен в штат столичного ГУП, которое возглавлял его любимый папа.

Брак с Кларой также был безнадежно благополучным: невеста была любимой дочерью

своего любимого папы, папы-нотариуса, и бра-
чующиеся загодя знали, на что и зачем шли...
Запланированное появление наследника Гер-
мана Иммануиловича Ньюшкина в штате Фло-
рида (США) было вишенкой на торте удав-
шейся жизни.

- Болеем? - с сочувствием в голосе к человечеству вообще обращается к Нюшкину подошедший на корректно-безопасное расстояние важного вида дедок.

Вопрос звучит бестактно, но отпираться или возмущаться, когда все мысли вдруг сосредотачиваются на том, чтобы ненароком не вывернуться на начищенные башмаки капитана рыбных палочек, наивно, глупо, неразумно... не-безопасно...

- Который там вашенский? - дружелюбный дед указывает высокоточным зонтом-тросточкой на детскую площадку.

- Желтая куртка, красные штаны, - вдавливают Иммануил в себя.

- Я пригляжу, а вы сходите... подлечитесь... И мне заодно купите бутылочку пива. Не откажите в такой пусяшной любезности... Только

попросите, чтобы не слишком холодное было, - дед растягивает в улыбке шкиперскую бородку до самых ушей, тут же по-приятельски садится рядом, также по-приятельски щедро протягивает жухлый пятидесятирублевый билет.

В пустом кафе-баре Ньюшкин приказывает пиво, с пристальным нетерпением наблюдает, как желтая пузырьчатая жидкость медленно заполняет до краев высокий бокал.

Холодное стекло приятно увлажняет жаркую ладонь. Он жадно пьет, без остановки, пока хватает дыхания; тонкая струйка стекает с губы к подбородку. Встречается с повывавшим многое взглядом лысого бармена, который ставит перед клиентом резную салфетницу. Вытирает губы, оглядывает витрину с быстрой закуской, наскоро выбирает три одинаковых бутерброда, напоследок "еще рюмку водки из подороже...", без промедлений осушает ее, безвкусно зажевывает алкоголь лососем-лимоном.

В магазине он встает в очередь четвертым, таким образом, успевает решить, что гулять ему с сыном еще часа полтора или два, следовательно, только пива будет, скорее всего,

недостаточно...

Он также успевает подумать о том, что, когда детей оставляют на незнакомых незнакомцев, их всегда похищают, затем убитые горем отцы разоблачают сеть международной педофильской мафии, про это детективщики пишут свои детективные романы, киношники снимают свои триллеры-боевики, а сами героические отцы становятся всемирно известными героями... со всеми вытекающими... но сперва Клара с три шкуры сдерет: дожить до Христова возраста и на следующий же день с похмелья утратить своего собственного ребенка...

На всякий случай он хочет позвонить жене, заблаговременно успокоить ее, но к величайшей досаде своей обнаруживает, что позабыл мобильнейший дома.

Вот, блин, шит...

Когда Иммануил возвращается в сквер, никакого повода для будущего героизма с последующим попаданием в книги, на киноэкраны не обнаруживается: яркая одеждой ребятня доканывает горку с качелями, бойкие бабки продолжают шептаться, потенциальная

террористка продолжает укачивать потенциального террориста, чатится разноцветная мамаша... лицом... телом... симпатичная... дед-капитан ждет.

- Вот... Комнатной температуры, как и заказывали. Предлагаю еще... вот... Вы как?.. За компанию? - Иммануил вытаскивает из полиэтиленового пакета с рекламой Эйфелевой башни флажку пятизвездочного армянского псевдоконьяка, пиво себе, пятидесятирублевое по заказу, два бутерброда в серых салфетках, два белоснежных пластиковых стаканчика.

- Не откажусь... чего там кокетничать... Как говорится, "similia similibus curantur"... - произносит скороговоркой дед-капитан, неторопливо пьет, ногтем мизинца - но без манеры - отклеивает от блеклого лосося прозрачную дольку лимона, - За знакомство, значит... Я Иваном Андреичем буду, - представляется он, - Я, знаете ли, тоже вчера усугубил некоторым образом... на поминках... У нас зять, знаете ли, вдруг повесился... Таким болваном оказался... даже не верится...

- В каком смысле?.. - удивляется Иммануил.

- В самом что ни есть прямом... Будьте так добры, накапайте мне еще пару капель, коль уж

пошло такое дело... Вас самого как звать-величать? - Иван Андреевич улыбается, протягивает стаканчик.

- Иммануил Габриэлович, - отчетливо произносит свое наименование Нюшкин.

- Иммануил... Редкое имя. Из философов, что ли?

- Почему?.. А-а, да нет... Фантазия родителей... - отмахивается Нюшкин, щедро льет деду заграничное пойло, себя не забывает.

- Ваше здоровье, Иммануил Гаврилыч.

- И ваше... - Иммануил выпивает, остужает жар разведенного в Ереване подкрашенного ароматизированного спирта пивом из импортной банки, терпеливо ожидает, когда важный дед дожует. - Что же вы так о покойном-то? Все-таки - родственник...

- Ничего, кроме правды...

- Не любили его?

- Причем тут "любили"? В его возрасте помереть нужно с толком... с проком... с пользой... а не так просто...

- Умереть с пользой?..

- Да... Да, с пользой... Можно ведь было обставить, что вроде бы это страховой случай... И всем было бы хорошо, а не только... Страховка

- это только как один из примеров... Самый элементарный... Но есть и другие способы... Не только меркантильные возможности... Вы понимаете, о чем я?..

Слово "меркантильные" Ньюшкину незнакомо, но на всякий случай он кивает утвердительно. За покойной беседой давешние разговоры в голове его стихли, осталось только чувство всеобщей недоговоренности... Выглядит чувство Иисусом Христом похожим на Сергея Безрукова.

Какого?.. вот, блин, шит...

Ньюшкин морщится, бросает короткий взгляд по сторонам: вокруг него те же столичный сквер, детская площадка без каких-либо признаков съемочной площадки; также Иван Андреевич нисколько не похож ни на того сморщенного старичка в блестящем римском доспехе, ни на актера с бородавкой на щеке, который изображал из себя многоликого зарубежного профессора-консультанта.

- А что ему не жилось-то? - спрашивает Иммануил, чтобы скорее отвлечься от неожиданного видения.

- Да надоело просто... Он так в своей записке и написал... Только сплошным матом... Всех обложил напоследок... Хм... а ведь такой всегда вежливый был... Чтобы хоть одно слово грубое... - Иван Андреевич умолкает, вероятно, вспоминает привычное поведение родственника, отхлебывает из горлышка пиво, - Хорошо, не журналист или писатель какой-нибудь... Вы не поверите, приезжаем мы всей семьей на дачу... свекор со своими туда же... Иными словами, всем семейством со всех сторон... как по заказу... Заходим на веранду... - он вздыхает, оттирает губы носовым платком, - На груди листок приколот... английской булавкой... с двух сторон исписан мелко-мелко... Мы его потом сожгли, чтобы, значит... А если б он нас в роман вставил или еще там куда... на вечную память?.. Паскудник... - он снова отхлебывает пиво, вдруг усмехается, - Не поверите, мы его записку прям как у Николая Васильевича в "Ревизоре" читали... Помните, как там в самом конце с письмом?.. Никто про себя читать не хочет, только про остальных... друг у дружки письмо вырывают... Вот и мы с запиской так же... а он все это время висит... зять то есть... - Иван Андреевич хлопает себя по карманам,

оглядывается. - Что за напасть, теперь как всегда курить охота...

- Он мог бы в интернет текст выложить... - не к месту умничает Нюшкин.

- В интернет?..

- Конечно, сейчас все... - Иммануил осекается.

Изнутри Сергей Безруков вдруг с укоризной смотрит на него: "Какой интернет? У доброго человека горе...".

- Давайте, Иван, э-э, Андреич, правильно? Чтоб не оставлять и... и к тому же за поминки и за, как там его, за этот... за упокой... - быстро находится Нюшкин, мгновенно разливает по стаканчикам остатки из фляжки, опустошает свой сразу, следом осушает махом пива банку, замирает, тщится изгнать Сергея Безрукова из своей головы...

Выбор оказывается небогатым - пара икон с одинаково скучными печальными ликами с опухшими выпученными глазами, одинаково скошенная набок голова гипсового трупа на кресте из отечественных и международных кинофильмов ужасно-мистического жанра и Сергей Безруков...

Невероятное напряжение памяти на мгновенье отзывается окровавленным актером из "Страс-

тей Христовых", какой-то потертой не то обложкой, не то плакатом с репродукцией отрешенного от всего мирского "Спасителя мира", обрамленным в богатую золотую раму полотном "Христос в пустыне", который всем своим обликом напоминает все того же Сергея Безрукова.

Картину Крамского Ньюшкин видел, сохранил в памяти (без уточнения авторства) вместе с томно-грудастыми княгинями, купчихами, физкультурницами, пьянью на крестном ходу в Курской губернии во время обязательного посещения Третьяковской галереи в средних классах.

- Иммануил Гаврилыч, а как бы нам это разузнать? - Иван Андреевич отвлекает Иммануила от мучительного поиска приемлемого образа Иисуса Христа на замену плаксивому Безрукову.

- Чего разузнать-то?

- Про интернет... Вдруг он ее действительно... зять то есть... Вдруг он ее, записку эту в интернете напечатал...

- А чего вам-то беспокоиться? Вы ж не зна-

- менитость... - равнодушно бросает Ньюшкин. Внутри него Сергей Безруков вновь с укоризной качает головой: "Стыдись, - добрый человек взывает о помощи и ищет поддержки...".
- Вы, Иван э-э... Андреич, напрасно так переживаете... Чего в этот интернет только не выкладывают... - как можно участливей произносит Иммануил. - Вы же не нацистский преступник...
  - В нацистские преступники я по возрасту не подхожу, - отзывается на деланное сочувствие Иван Андреевич.
  - Вот видите, тогда и волноваться вам незачем.
  - И тем не менее, согласитесь, что это как-то... что все это не очень приятно... Не хотелось бы выносить сор на люди... Вы со мной согласны?
  - В принципе - да, но... Все зависит, о чем речь? Кого может заинтересовать ваша личная жизнь? Народ обычно интересуется только какими-нибудь знаменитостями... А ваш зять, он сам-то кто по профессии?.. Был...
  - Краснодаревщиком.

Ньюшкин плохо представлял себе, как появляются на свет окружающие его предметы, продукты питания.

Круг его интересов с детства составляла исключительно его семья, время от времени те или иные друзья-товарищи; вне круга были все остальные: няни, домработницы, домовая охрана, обслуживающий ЖКХ персонал, ремонтные бригады запуганных столицей гастарбайтеров, постоянные или случайные шоферы, парикмахеры, учителя, репетиторы, тренеры, профессура в институте, подчиненные, клиенты мелкой руки...

В отдельную категорию были выделены представители правоохранительных органов и медицинские работники.

В отдельнейшую - клиенты крупной руки.

В особую - высокопоставленные чиновники...

Иммануил мысленно раскладывает незнакомое ему слово на "красно" и "деревщик", вспоминает, что первое помимо цвета может означать "красивый". "Наверное, так в старину на Руси ландшафтных дизайнеров называли", - делает скоропалительный вывод он, после чего авторитетно заявляет:

- Краснодеревщик... да-а... это... это круто... очень круто... А ведь у меня дед тоже известный энтомолог... Был известным энтомоло-

гом...

Иван Андреевич пристально смотрит на своего собеседника, вкрадчивым голосом - дабы ненароком никого не обидеть - уточняет:

- Вы, Иммануил Гаврилыч, чем в жизни заняты?

- Я-то? Я - старший оценщик в одном ГУПе. По недвижимости работаю. Можно сказать, мы с вашим зятем - коллеги. Я со своей стороны тоже принимаю самое позитивное участие в урбанизации нашей столицы... Жаль, что он... э-э... да-а... А то бы мы... мы могли бы познаться... через вас... Какой-нибудь совместный проект вместе устроить... а он... А может, у него по бизнесу проблемы были, вот он и?..

- Не думаю... В записке ничего про работу не было. Да и дочь знала бы. Она при нем вроде администратора была... и еще всей бухгалтерией в фирме занималась, - Иван Андреевич смолкает, снова охлопывает свои карманы.

Нюшкин мысленно воспроизводит окончание произнесенной фразы, моментально оценивает социальный статус "ландшафтного дизайнера", его тестя, с горечью думает о том, что мэрия все никак не может окончательно освободить от нищеводов столичный центр; с другой

стороны, такое положение дел вселяет неспуточную надежду на проведение в самом недалеком будущем выгоднейших операций с муниципальной недвижимостью...

После этих размышлений он совершенно теряет интерес к случайнейшему соседу по скамейке, переводит взгляд на симпатичнейшую лицом мамашу без хиджаба, ее выпуклую грудь, крепкие ляжки... вновь натывается на скорбную физиономию Сергея Безрукова...

Вот шит... вот ведь блин... вот козел какой... вот прилип... когда говоришь что-нибудь, вроде бы тогда ничего... ничего... совсем... если только не вспоминать о дэрэ... если... то как бы и нет его... надо постараться не вспоминать... вот дался им всем этот Хрис-с-с... нет, нет, тихо... тихо... тихо... только не вспоминай... да, не вспоминай... а сам-то уже вспомнил... вот ведь козел какой... лучше бы совсем дэрэ не справляли... надо было уехать куда-нибудь... во, на курорт надо было... на курорт куда-нибудь... в Испанию... на Косту... как там ее?... на какую-нибудь Косту... как раз - закрытие сезона... и без всяких там Хр-р... тихо... тихо... а-а... по барабану... все равно все стали

бы трезвонить с самого утра... надо было сразу всех предупредить, что, если хоть кто-то, хоть раз произнесет этого X-xxxx... тихо... тихо... вот сам и вспоминаешь... тихо... тихо... вот так... так... кто знал-то?.. вот навяз в зубах как хит-парад какой-то... вот шит... может, еще пиваса?.. неплохо бы... вроде бы полегчало... правильно Антоха говорит, что всегда лучше сразу устранять последствия... а ведь все из-за него... он-то ведь и начал первым... вот ведь... "грандиозное"... тоже мне, спикер нашелся... и остальные тоже не лучше... дался им этот возраст... а ведь папа, когда этот... когда дом престарелых из центра выселили в Калужскую область, деньги на церковь отдал... надо было вчера всем сказать... чтобы все знали... или это после детского дома было?.. нет, после престарелых... или инвалидов... кажется... да какая разница... отдал деньги просто так вот... просто на церковь и все... своими глазами видел... целую котлету отсчитал пятисотенных евриков этому козлу бородатому... жалко, забыл сказать им... чтобы все знали... надо все-таки еще... вроде бы отпустило... выпить и отвлечься... отвлечься... отвлечься... перебить этого козла чем-нибудь... тогда пройдет... обязательно пройдет... когда

говоришь с кем-нибудь, вроде бы тогда ничего... ничего... мне что, теперь этого нищерброда с зонтиком утешать, что ль?.. он-то сам не очень что-то переживает... а мне-то какое до них до всех дело... повесился и шит с ним... я-то тут причем?.. сам-то он зятя своего "болваном" обозвал, а я тут теперь парься понапрасну... тоже мне, хороши родственнички-то... вот ведь козлиная старая... "маркентильный"... да, конечно... вот козелто... не "маркентильный", а "маркетинговый"... "маркетинговый"... "мар-ке-тин-го-вый"... понял, придурок?.. ты сначала диплом получи, козел старый, а потом будешь перед образованными людьми тут выступать... нахватаются умных слов, а смысла вообще не понимают... козлы... вас давно пора отсюда... куда-нибудь подальше... в Сколково бы вас какое-нибудь всех упрятать отсюда... навсегда... и чтобы оттуда ни на шаг... чтобы сидели там и вообще сюда никогда не вывалились...

- Главное, за внука я теперь беспокоюсь... Он, знаете ли, у нас тоже хотел пойти в краснодеревщики... Так сказать, по родительским стопам... - отвлекает Иммануила от внутрен-

него монолога Иван Андреевич.

Нюшкин бросает на деда, на его помятый не первой светлости плащ пренебрежительный взгляд:

- Уже передумал?

- Вы бы почитали, что о нем его же родной отец написал... Тоже, наверное, не обрадовались бы...

Нюшкин хочет ответить неучтиво и в то же время не настолько грубо, чтобы избежать неприятности в виде гипотетической зуботчины, и таким образом прекратить всякое с Иваном Андреевичем общение, однако снова видит жалостливую мордашку Сергея Безрукова...

Вот, блин, шит... вот козлиная какая... чтоб тебя...

Иммануила Нюшкина по заведенному обычаю крестили в том детстве, о котором совершенно невозможно вспомнить. Он также не знал, что неизвестная ему его крестная мать оборвала с его семьей все контакты после эмиграции в Новую Зеландию, а столь же неизвестный ему крестный отец погиб в дорожно-

транспортном происшествии в окрестностях Тюля.

На самом деле он - пьяный в пятую точку - разбился в лепешку (в прямом смысле этого слова) под родной Тулой, но для "благозвучия" и пуцей важности Софья Леонардовна переададила наименование места ДТП на французский Тюль.

Таким образом, причастность Нюшкина к религии вообще ограничивалась яйцами, куличами на православную Пасху, выгодными распродажами на зарубежное Рождество, "Аллаху Акбар" из кинопродукции про террористов.

- Иван э-э... Андреевич... вы... Скажите, вот вы когда об Иисусе Христе думаете, вот вы тогда кого себе представляете?..

- С чего бы мне о нем думать? Я о нем вообще никогда не думаю. Зачем мне?..

Иного ответа от представителя темного советского прошлого трудно было ожидать, однако Иммануилу нужно срочно отвлечься от назойливого Безрукова хотя бы пустым разговором, потому он настаивает:

- Ну, а если бы?..

- Пфф... - пфыкает без раздумий Иван Андреес-

вич, пожимает плечами, - Фигурка... белая... бледная... на кресте... голая... то есть тряпка только... на бедрах, значит... Что там у него еще?.. Гвозди вбитые... в руках... и в ногах тоже... но это на самом деле... Знаете, Иммануил Гаврилыч, он бы непременно сорвался... По правилам конечности всегда к кресту веревкой привязывали... Вы только представьте себе вес взрослого человека... Ему уже тридцать три было... Даже если его к кресту нашими железнодорожными костылями присобачить... все равно бы сорвался... И потом, с чего это он такой белый? Это в Израиле?.. Сами подумайте... Я в позапрошлом... нет, уже года... три... нет, четыре... точно - четыре... Да, четыре года назад я был там... Конкретно в Хайфе... и в целом... по стране... так за неделю так загорел... что вы... А он? Только задумайтесь... Если верить "Евангелию", он по горам да пустыням целыми месяцами на своих двоих да на ослице... Нет уж, простите меня, но это совершенно антинаучно... Все это сплошная мифология...

А у меня... зна-е-те... да, конечно... знаем, знаем... а у меня вот - Сергей Безруков... вот ведь козел... с другой стороны, а если бы как

этот... у пиндосов в фильме... такой в кровище
весь... если вот такой будет таращиться... и еще
на английском спикать... нет, надо отвлекься...
надо... тихо... тихо... или икона вся в золоте... да
уж... но лучше в голде, чем кровища на всю
морду... но тоже... сейчас бы пучился своими
глазищами... вообще ничего не поймешь... и
зачем вообще... научно, не научно... "меркентильный"... да, конечно... "меркентильный"...
даже самый простой вопрос... элементарный
вопрос не может понять... козел необразован-
ный... в Хайфе он был... наверное, всю свою
нищевродскую жизнь копил... или зять денег
подкинул... а ты его еще "болваном" обзы-
ваешь... вот ведь козлы... вот ведь блин... какие
козлины неблагодарные...

- Не сочтите за нахальство, у вас закурить
не найдется? - в третий раз отвлекает Имма-
нуила от самого себя Иван Андреевич.

- Не курю, - сухо отрезает Нюшкин. - И вам
тоже не следует... не советую... Медицина не
рекомендует...

Иван Андреевич улавливает трусливое скрытое
хамство нового хозяина жизни, но, умудрен-
ный опытом той самой жизни, которая часто

(если не всегда) не знает, куда заведет себя сама, своего опрометчивого хозяина, совсем не обижается, вида не подает:

- Я так полагаю, вам, Иммануил Гаврилыч, недавно тридцать три стукнуло?..

- Вчера... Как раз вчера тридцать три и исполнилось... Ну, и... Как это лучше сказать?.. Ну, вы-то понимаете?.. Тридцать три и... и все такое... Возраст Христа... У меня день рождения, а все только о возрасте Христа... Понимаете? А я-то тут причем?.. Ну, возраст... подумаешь, какое крутое дело... Всем на свете когда-нибудь тридцать три исполняется...

- Несомненно. С этим трудно спорить...

- Вот... А как же еще?.. И нечего тут спорить... Уж если вы дожили до тридцати трех, то вам тридцать три и исполнится... Что тут сложного?.. Вот вам, вам-то ведь тоже про Христа говорили?..

- Не помню уже... Знаете ли, в прошедшие времена с Христом было не очень... Преувеличивать понапрасну не стоит, но все эти библейские легенды тогда, как вы, полагаю, знаете, не приветствовались...

- Хорошо вам... было, - искренне завидует Ивану Андреевичу Иммануил.

- Вы, Иммануил Гаврилыч, не забивайте себе голову этой чушью... не стоит... Свои тридцать три вы благополучно миновали, а с сегодняшнего дня уже тридцать четвертый год начал свой отсчет... Вы уже на тридцать четвертом году жизни... Так что теперь только вперед... и с песней... к новым жизненным горизонтам...

Полный скепсиса Иммануил смотрит на деда, на остатки импровизированной опохмелки, на Сергея Безрукова внутри себя, который по всему своему виду к новым жизненным горизонтам вовсе не стремится, лишь скорбно взирает на него, на Ньюшкина...

- Вы лучше возрадуйтесь, что вы не поэт, - продолжает полный добродушия Иван Андреевич.

- Тех с кем только не сравнивают... Знаете, столько у них памятных дат? С ума можно сойти... Помните, как это?.. "На цифре двадцать шесть..." Нет, вам это уже не пригодится... Как там будет дальше?.. "С меня на цифре тридцать семь в момент слетает хмель. Вот и сейчас как холодом подуло: под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль, и Маяковский лег виском на дуло"...

После этих слов у Безрукова-Христа выдается вперед, каменеет подбородок, отрастают баки,

а в руках оказывается гитара. Он с силой бьет пальцами по струнам, кривит рот, его лоб покрывается испариной, набухают на шее вены...

Вау!.. кто?.. это что еще?! а-а... ну да... ну, конечно... ведь он еще играл Высоцкого в этом муви про Высоцкого с лохматым Ургантом и чурками-наркоманами... вот шит... вот ведь блин... хорошо, что не слышно... мне только рева его сейчас не хватало... вот от кого совсем можно крышей поехать... вот козел... тихо... тихо... только не думай о нем... спокойно... только не думай... только не думай... отвлекись... когда говоришь с кем-нибудь, вроде бы тогда ничего... ничего... лучше с этим старым козлом... пусть себе болтает... козел маркетинговый... простой логики понять не может... но по любому лучше... лучше уж с ним... однозначно... с бакенбардами и гитарой... опупеть можно... нет... домой... точно... домой... домой... надо домой... что ж я сразу?.. конечно, домой... нагулялись... все, уже нагулялись... хватит на сегодня... так, где там наследник?.. а дома я... дома всегда можно с Кларой поговорить... однозначно... вот и отвлекусь... пиваса

только купить надо и... все... все остальное есть... только пиваса... а-а, нет... только не... блин, она же в фитнес-клуб собиралась... блин, вот ведь шит... вот засада-то... вот дался ей этот фитнес... в уик-энд могла бы семьей заняться... целая неделя для фитнеса есть... ведь все равно у нее других дел нету... надо позвонить, узнать, когда вернется... блин, мобила дома осталась... вот ведь шит... полный... ну надо же... как назло со всех сторон... одно к другому... все, домой... тем более надо скорее домой... шит с ней... пусть сидит в своем фитнес-клубе... хоть до завтра... из дома-то можно кому угодно позвонить... только бы до мобилы добраться и все... все... еще пиваса не забыть взять... вернусь и сразу позвоню... кому угодно... нет... нет... только тем, кто уже поздравил... а то снова начнется про возраст... тихо... тихо... во, позвоню Лехе... чего это он вчера без жены был?.. нет... вроде бы вчера кто-то сказал, что она в командировке... кто-то?.. он сам и сказал... наверное... по барабану... позвоню просто так... узнаю, как самочувствие... у меня-то не очень... но лучше стало... или, кажется, снова начинается... домой... скорей домой... выпью пиваса, потом позвоню Лехе, он сейчас один, сможет

спокойно пообщаться... а можно к нему... а куда наследника?.. блин... блин, Клара со своим фитнес-клубом... у Лехи-то всегда можно оттянуться... вот где можно отвлечься от... тихо... тихо... все, домой... и сразу кому-нибудь позволю... нет, сначала пиваса, потом Собакину, а потом ясно будет...

Нюшкин находит взглядом взмыленного от игрищ на свежайшем столичном воздухе продолжателя дел своих, прытко встает, как вдруг рядом с ним точно из-под уложенной елочкой бурой дорожной плитки вырастают два разновеликих полицейских милицейской наружности; вместе с тем Иван Андреевич неприметным образом сдвигается на дальний край скамейки...

Представителей отдельной категории, к коей принадлежали медицинские работники и правоохранители всех мастей, Нюшкин по мере сил и возможностей избегал.

Первые напоминали ему о брэнности живых организмов, которые любыми средствами материализовывали муниципальную недвижимость в билеты первого класса: подхватить опасную

болезнь, а то и вовсе помереть в самый разгар страды, не вкусить вполне от плода трудов своих было противно естеству его человеческой природы. Вторых же старался обходить за версту - по правилу трех "б" - даже его любимый папа, а проныра-юриисконсулт Кошкин иначе как форс-майорами не называл. Одного этого было достаточно, чтобы не пополнять багаж знаний личным опытом.

Иммануил моментально забывает все надуманные закапанным алкоголем и болтовней мозгом хлопоты с докучливым Безруковым-Христосвысоцким, явственно ощущает наличие в себе мочевого пузыря с переработанным почками литром пива внутри, бросает быстрый трусоватый взгляд по сторонам.

К появлению полиции остались абсолютно равнодушными только занятые делом дети. Три бабки с самым живым любопытством смотрят на оробевшего Ньюшкина, о чем-то перешептываются углами скопленных временем и инсультами ртов явно в ожидании последствий асоциального поведения асоциальных элементов; потенциальная террористка с головой залезает под козырек коляски с потен-

циальным террористом; симпатичная лицом-телом мамаша изображает тотальную индифферентность, попутно обращает свой планшет видеокамерой в сторону намечающейся движухи...

Вот ведь сука какая...

- Стойте, гражданин! Не с места! - не дает мысли Нюшкина развиться страж безопасности, который повыше.

- Гражданин, - подхватывает страж безопасности пониже, - это от вас такие беспорядки? - указывает дулом автомата на полиэтиленовый пакет с опохмелочным натюрмортом, из-под которого выглядывает Эйфелева башня.

- Нет, - невозмутимо лжет Нюшкин, - Это вот... вот его... Это он их сюда принес и теперь распивает...

- Гражданин! - строго обращается к дедукапитану полицейский повыше.

- Акстись, сынок, ты где это видел, чтобы честные пенсионеры забугорную амброзию употребляли? Мы с жэкэха еле-еле управляемся, а тут - такая роскошь, - отвечает Иван Андреевич тому без запинки.

- Гражданин, пройдемте! - решительно берет Иммануила под локоть полицейский пониже.

- Товарищ... гражданин... господин... полицейский, ну разве я мог?.. Чтобы я?.. Вот я?.. Я - никогда... Посмотрите сами... Ну как можно сравнивать?.. - Нюшкин со значением указывает сперва на себя, потом с пренебрежением на своего собутыльника.

Блюстители порядка смотрят на бесстрашного Ивана Андреевича, на заискивающего Нюшкина, переглядываются: с одной стороны - жертва монетизации вечных льгот, с другой - денежный лох...

В подобных ситуациях каждый уважающий себя полицейский обирает денежного лоха без протокола, а затем отпускает на все четыре стороны. Всегда. За исключением периода, когда в налаженные полевые работы вмешивается внутренне-министерский план Министерства внутренних дел Российской Федерации.

На несчастье Иммануила Гавриловича Нюшкина за тридцать три года до описываемых событий его рождение совпало с предпоследним днем месяца и, следовательно, с пред-

последней для нерадивых тружеников оказией план нагнать и на целые сутки опередить.

К удивлению Иммануила работник наручников и дубинки пониже настаивает:

- Гражданин, пройдемте...

- За что? Какое вы имеете право?..

- Злоупотребление алкогольной продукцией в неполюженной местности... Статья 20 часть 20 административного кодекса. В непосредственной близости от расположения детского объекта... на самом виду у невинных мальцов... И не стыдно вам тут еще про права качать?..

- Там еще часть 21 светит... - добавляет работник наручников и дубинки повыше, после чего обращает свой взор на Ивана Андреевича: - Вы тоже, гражданин, пройдемте... Вас это тоже касается...

- Почему?.. Это не я... Это вот он... он... - в полголоса, чтобы не привлекать всеобщее внимание, возмущается Нюшкин. - Я-то тут с ребенком... Вы что? Вы думаете, что я... что я тут с ребенком... вот прям тут?.. Это все он... он... он... Они же ведь только прикидываются нищими... Эти вот... У них квартиры сотни тысяч стоят... в долларах... или в еврах... а не в... Ну, в

общем... Это они только прикидываются... Я-то знаю... Я в ГУПе работаю... Я по недвижимости... Могу номер дать... позвоните... А-а, нет... я мобильный забыл... Во, можно ко мне съездить... прям сейчас... сами увидите... У нас и ваши, между прочим... ваши тоже... Как это?.. В общем, они тоже в клиентах... из ваших которые... Можно съездить... Я мобильный... я его дома забыл... с утра... Можно было б хоть сейчас сразу позвонить... Тут совсем близко... давайте вместе съездим... Потом вы сами позвоните... Я вам номер дам... Вам там все скажут... Он мог бы так себя изливать бесконечно долго безрезультатно, однако чуткие к чужой беде патрульно-постовые уши быстро фокусируются на чистосердечной фразе "я тут с ребенком"...

Слуга закона повыше аж присвистывает:

- Да тут у нас уголовкой пахнет... Статья 156.

Неисполнение родительских прав по воспитанию... До трех лет... Пройдемте-ка с нами...

- В КДН надо звонить, - многозначительно поддерживает его слуга закона пониже. - Пройдемте, гражданин. И заберите с вами ваши вещественные доказательства...

Огорошенный подобным развитием событий

Иммануил совершенно теряется:

- А можно мне в туалет?..

- Потерпи. В отделе отольешь... Там и анализы сдашь до кучи...

- Зачем?.. Зачем мне анализы?..

- На предмет обнаружения присутствия в крови нарушителя алкогольной продукции...

- Или еще чего... похуже...

Иммануил с ужасом вспоминает об оранжевой таблетке Собакина, трусит окончательно.

- А может, не надо в отдел-то?.. Зачем?.. Может, мы с вами прям тут... на месте?.. - он, наконец, соображает, что следует срочно создать коррупционную схему и навсегда отделаться от закона с его представителями.

- Уголовное дело закрыть можно, а по административному по любому придется проехать...

Конец месяца. План, - честно раскрывает государственную тайну полицейский повыше.

- Это быстро. Оформим, оплатите наличными и гуляйте себе дальше... - переходит на дружеско-любный тон и "вы" полицейский пониже.

- А ребенок?.. Его тоже везти?..

- С ребенком вон дедуля пока посидит, - успокаивает Иммануила охранитель повыше, после чего инструктирует Ивана Андреевича: - Ты,

папаша, посиди пока тут и никуда ни шагу. Мы этого оформим и за тобой вернемся. А ты пока за его пацаном... или кто там у него посмотришь. Предупреждаю за последствия за неоказание помощи сотруднику при его исполнении...

- Мал еще меня пугать... Ишь ты, "последствия"... Шчас... А с ребенком посижу... так и быть... Мне не сложно... Я уже... когда родной отец вон в тот кафетерий поправлять свое здоровье отлучался...

Если и оставалась хоть малейшая возможность безотлагательно сунуть в лапу на месте преступления, демонстративно-подлое предательство Ивана Андреевича ее окончательно обращает в ничто.

Покорный судьбе-злодейке Иммануил в компании оборотней понуро бредет к белоснежному автомобилю с синей полосой, бросает короткий взгляд на беспечную детвору, которая целиком поглощена своей жизнью, а не играми взрослых...

В патрульной машине бумажник Ньюшкина первым же делом опустошается от всей наличности, после чего оборотень в погонах

пониже широким жестом возвращает освобожденному от уголовного преследования клиенту пятьсот рублей для предстоящей оплаты штрафа за распитие спиртных напитков в общественном месте.

- Оставь-ка ему еще сотку на пару пива, - играет хорошего полицейского оборотень в погонах повыше.

- Ниче... у него там пластика... Он тинькоффа выпьет и халвой закусит...

Полицейские ржут своей домашней заготовке в полный голос от души, тут же об Иммануиле забывают, принимаются обсуждать предстоящие планы на план, до достижения которого теперь вроде бы не хватает то ли десять, то ли девять нарушителей общественного порядка и безопасности столицы, по недолгому раздумью принимают решение задержать одиннадцать (включая незабвенного ими Ивана Андреевича), чтобы уж наверняка, а то и все двенадцать, чтобы уж точно перекрыть все достигнутые показатели...

Вот ведь козлы... ладно... хорошо, что быстро отделался... сейчас штраф заплачу и домой... главное, чтобы Гера вдруг не разныл-

ся... еще рев поднимет на весь сквер... потом еще Кларе нажалуется... блин... вот шит... сама бы шла гулять... видела, как мне тяжело, но нет... фитнес-клуб ей важнее... пока носиться будет - ничего... а мы к тому времени вернемся... главное, чтоб другие со своими детьми не ушли... маленький сказал, что будет быстро... хорошо бы... блин, вот попал... вот козлы... весь кэш забрали... на углу карты не принимают, придется в супермаркет... нет, лучше в банкомате окэшусь... так быстрее... вот ведь козлы какие... шит, как писать-то хочется... надо будет как-то запомнить номер машины, потом пробить через Кошкина и сразу к начальству ихнему... вот тогда посмотрим... еще посмотрим... "Иммануил Ньюшкин разоблачает полицейских оборотней в погонах"... "Иммануил Ньюшкин отчищает столицу от коррупции в рядах МВД"... когда интервью буду давать, скажу, что вот такие как этот Иван э-э... Иван... Иван Алексеич... как этот Иван Алексеич и ему подобные ничего не делают для нашего города... козел старый... настучал на меня и не покраснел даже... вот кто его за язык-то тянул?.. стукач... поганый... вот, кто они... стукачи поганые... одно слово - быдло... журна-

люги-то его в один момент разыщут... и пусть тогда все увидят... весь город... и... и вся страна... "Иммануил Ньюшкин - пример для подражания"... может, еще какой-нибудь сериал снимут про меня... и про коррупцию... и про зятя его тогда всем все станет известно... вот тогда увидишь, козел маркетинговый... что он там о них всех написал?... интересно бы почитать... во, я тоже потом книжку напишу... как выводил на чистую воду оборотней в погонах... детектив... бестселлер... Антоха вроде говорил, у него какой-то киношник знакомый есть... вроде сценарист... или режиссер... не, кажется, сценарист был... с какой-то чурбанской фамилией... вот шит, даже туда понаехали... надо ему заказать, пускай напишет... а можно просто помочь с регистрацией и все... без всяких гонораров обойдется... пусть чурбан пахнет, если тут жить хочет... в нашей цивилизации, а не в своем отсталом чуркестане... "Воспоминания борца с коррупцией... со столичной коррупцией Иммануила Ньюшкина"... или "Дневник борца со столичной коррупцией Иммануила Ньюшкина"... круто будет... потом муви сделать по моей книге... экшн какой-нибудь... а главную роль... в главной роли... а Безруков-то...

тихо... тихо... а что?.. что тихо-то?.. нет его больше... нет... пропал... вот... вот ведь... ну, слава богу... отлично... видел?.. видел, как надо?.. вот так-то... это тебе не... это не... отдал бы сразу все свое серебро и тоже уже... потому что не надо было до креста дело доводить... вот так... потом бы сто раз... потом бы наверстал сто раз... это, считай, как инвестиции... время - деньги... чем потом париться, лучше сразу заплатить... и гуляй себе... дальше... по пустыням в своем Израиле... а у нас и без тебя дел по горло... сейчас штраф заплачу, потом назад, потом пиваса... нет, сперва кэш... да, окэшусь, потом пиваса, потом позвоню... а можно... раз его больше нет, то можно не звонить никому... как в туалет-то хочется... скорее бы... вот ведь шит... когда уже?..

В сумрачном отделе внутренних дел ярко мерцают лампы дневного света, царит необычное для воскресения оживление. Иммануилом вновь овладевает страх; вероятно, он снова нагородил бы себе невесть сколько фантазий, возможно, снова обнаружил бы в голове своей присутствие Безрукова-Христосвысоцкого, но к счастью для него его же мысли целиком

заняты его же мочевым пузырем, который, по его же мнению-ощущению, должен вот-вот лопнуть от его же нетерпения...

Провожатые устанавливают Иммануила напротив окна с "дежурным по отделу" за ним:

- Горшков, принимай нарушителя... Административная... распитие в неположенной местности... в состоянии алкогольного, бля...

- Какая, в пизду, административная?.. Быстро гоните его на хуй отсюда... - лейтенант Горшков одной рукой вслушивается в трубку телефона, другой в раздражении отмахивается, шутить не намерен.

- Горшков, да ты ебанулся... У нас план, бля, горит...

- Хуит... Сейчас сюда пятую колонну везут... - прикрывает трубку взмокшей от служебного усердия ладонью строгий дежурный.

- С хуя ли пятую колонну в воскресенье? Ты что, она ж только по субботам... Горшков, хорош, бля, тут гнать...

- Вы совсем ебанулись? Вы что, не видели журнализдов напротив отдела?..

- Ни хуя мы не видели... - отрезает провожатый повыше, тотчас обращается к Ньюшкину: - Ты, бля, что-нибудь видел?

- Не... Товарищ... господин... можно мне в туалет, а?..

- Потерпи... Горшков, а что, бля, нам с планом теперь делать?

Горшков заканчивает разговор с трубкой телефона с чувством огромной задолженности перед родиной:

- Хуй ли вы тут ни хуя не делаете?! - орет в энтузиазме он, - Гоните на хуй этого пидараса и перестаньте тут на пару хуйней маяться...

- А с планом, бля, что делать? - не даются на арапа нижние чины.

- Не ссыте, на пятую колонну можно всю хуйню записать... - тут же находит компромисс с личным составом Горшков. - Эти пидарасы даже обрадуются, что так пиздато отделались...

Провожатый пониже хлопает задержанного нарушителя по спине:

- Повезло, бля, тебе сегодня... Свободен...

- Свободен? - изумляется Иммануил, который мало что уразумел из разговора родных правоохранителей.

- Свободен, свободен... Гуляй себе дальше... Сегодня, бля, не до тебя...

- А можно мне в туалет, а?.. Пожалуйста... Я побыстрому...

- Горшков, пусть он поссыкает у нас скоренько...

После очищения карманов клиента даже самый суровый страж порядка обычно отходит своим черствым сердцем и с легкостью, а то и с искренним хотением помочь "бедолаге" проявляет свое царское великодушие.

- Нехуй тут шляться... - отрубает Горшков, который в коррупционной схеме Ньюшкина не участвовал, потому на великодушие ничуть не настроен, - Пускай пиздует на улицу и там брызгает, куда душе угодно... Или вон, в сушиловку за углом...

- Правильно, бля... Сам видишь, у нас, бля, сегодня завал... Не в обиду... Точно, беги, бля, к косоглазым... Это недалеко... Направо... за угол... метрах в пятидесяти... - наперебой дают Иммануилу постовой и патрульный свой обций на двоих прощальный совет.

Нюшкин-освобожденный вылетает из дверей УВД бросается вправо, не глядит по сторонам, не обращает ни малейшего своего внимания на куцую репортерскую братию, которая уже расположилась или только устраивается напротив отделения, ощеривается всеотслеживающими видеокамерами...

Он абсолютно нетерпеливый врывается в ресторан японской кухни, огибает пузатого пшеницей охранника рыбно-рисовых блюд, заказывает у луноликой старшей официантки с бамбуковыми палочками в шиньоне туалет, лучший сет, четыре пива с собой, стрелой устремляется по стрелке к WC.

Господи... уф-ф-ффф-сссс... вот шит...

К переливистому звуку кото Ньюшкин добавляет плеск своей урины в черном писсуаре, не воображает вообще ничего: все его мысли поглощены собственным организмом, концентрируются на катарсисе мочевого пузыря... Пустой взгляд его упирается в бледно-розовую кафельную плитку. Он не видит, как под воздействием диамида угольной кислоты на внутренней поверхности писсуара проявляется изображение застенчиво-обнаженно-невинно-подмигивающей школьницы из страны восходящего солнца (высочайшая японская технология).

Ньюшкин стряхивает на исчезающую улыбку юной японки, по ходу к умывальнику молнией застегивает ширинку, выдавливает в мягкую белую ладонь жидкое мыло, щедро пускает воду, тщательным образом омывает руки, с глубоким удовлетворением смотрит в зеркало на модного нарядом белокурого в расцвете сил, возможностей мужчину чуть выше среднего роста с небрежно зачесанной стрижкой, крупным носом, который, впрочем, не портит его полное приятности лицо, встречается с умиротворенными только что совершенным опустошением серыми глазами с загадочной на пер-

ВЫЙ ВЗГЛЯД ПОВОЛОКОЙ.

Вау, хорошо-то как... чуть не описался... вот шит... менты... спасибо ментам... пришлось бы прям там... на улице... вот был бы ужас-то... правильно папа говорит, что нет худа без доброты... надо теперь за Герой... да... теперь сразу за Герой... хорошо, что все обошлось в итоге... и все благодаря... да... вот так вот... все благодаря кому, а?... да, да... все благодаря... круто я сразу все сообразил... а то - анализы... круто... круто... мгновенно оценил ситуацию... чего ждать-то еще было?... с этими-то надо всегда быстро решать... жалко, козел старый помешал... Иван э-э... Ванька... Ванек... одно слово - козлиная... козел... ведь на месте можно было бы все урегулировать... еще проще было б... вот ведь... но и так тоже... тоже... раз, и все... и нет проблемы... ау! ты где?... нет ее... и рестик с пивасом... автоматом... и закуска сразу... супер получилось в итоге... ха!.. супер... отлично все получилось... просто отлично... в итоге - все... все одно к другому... все сложилось... кэш только жалко... козлы... сколько там было?... ладно... потом... сейчас за Герой... а потом за... да ты что?... все уже есть... теперь домой...

только домой... все, погуляли... теперь срочно домой...

У кассы ресторана блестящий замысел подвергается первой проверке: терминал для оплаты банковскими картами временно не функционирует.

Нюшкин-облегченный уже вкусил победы, подобная мелочь его более не останавливает ни на секунду. Он оформляет доставку еды, напитков, самого себя непосредственно на дом с оплатой наличными курьеру-водителю.

В тесной машинке в цветах ресторана Иммануил быстро доезжает до сквера. На пустой мочевой пузырь дорога оказывается много короче, ее хватает только для разъяснения сложного маршрута от ресторана до дома через детскую площадку с ребенком, банкомат неожиданно смышленому псевдояпонцу из Средней Азии.

Вокруг покосившегося домика никого нет, нет детей и внутри: там прячутся три тихих подростка неопределенного пола, они крутят трубку умиротворения, на появление в проеме

двери любопытного мужика никак не реагируют.

Иммануил растерянно оглядывает сквер. Скамейка, на которой секретничали три бабки, занята двумя передыхающими от активной фазы отдыха велосипедистами-фотографами, потенциальная террористка с коляской приглаживает растрепанные волосы старшему потенциальному террористу лет пяти-шести. Она замечает заблудшего отца, несказанно радуется его появлению, приветливо машет ему рукой, подзывает к себе...

Нюшкин никогда в жизни не стал бы связываться с подобной персоной, но родительский долг берет свое, он с опаской приближается к мамаше в хиджабе, к своему удивлению получает от нее точное указание, где следует искать "вашего дедушку с внуком".

Дедушка... какой он нам дедушка?.. дура черножопая... да я такого дедушку...

На возмущение времени нет. Иммануил влетает в уже знакомый кафе-бар, у первого же столика натывается на Ивана Андреевича в компании двух мужчин позднего среднего возраста. Первый сед чернявым волосом, внушительен телом в растянутой майке с растянутым ликом Че Гевары на ней, второй - одноглазый с неестественно большими руками-клешнями, которые выглядывают из рукавов винтажной джинсовой куртки. На столе графин с водкой, сизые граненые стаканы на сто грамм, тарелка с разделанной селедкой под луком, соленые огурцы...

- Оооооо! Ядрена вошь! Гаврилыч! Тебя уже выпустили?.. Иди сюда! Иди к нам! - с радостью восклицает Иван Андреевич голосом, который свидетельствует, что графин на столе уже не первый. - Знакомьтесь, дети мои... Это

Иммануил Гаврилыч... собственной персоной...
Прошу любить и жаловать... Садись, Гаврилыч,
выпей с нами...

Одноглазый хватает своей ручищей стул по
соседству, описывает им дугу поверх голов
сотрапезников, ставит перед Иммануилом:

- Милости просим...

Однако Ньюшкин отставляет стул в сторону,
сразу переходит на скандальный тон:

- Где Гера?.. Иван э-э... а Герман где?..

- Кто такой? - вполне искренне изумляется воп-
росу Иван Андреевич.

- Как кто такой?! Сын мой!.. Мальчик... желтая
куртка, красные штаны... - опарашенный отец
оглядывает помещение кафе-бара, но среди
редкой публики ребенка не находит.

- Не трясись... ничего с ним не случилось... Он на
камбузе... картошку чистит... - как ни в чем ни
бывало отвечает Иван Андреевич, - Сейчас
картошечку с грибочками отведаем... Мировая за-
куска... Мишель сам собирал... - указывает на
распльившегося здоровяка.

- Как есть... Лисичка к лисичке, сестричка к сес-
тричке...

- Что значит?.. Как бзуть?.. Он не мог бзуть...
Он послушный мальчик... Он очень послуш-

ный... Где он? Вы должны были... Почему, причем тут картошка?.. Что тут вообще происходит?! - повышает свой голос Нюшкин.

- Не шуми... - обрывает его Иван Андреевич, - Копперфильд твой заказал картофель фри, а чистить его сегодня некому...

- Кто не работает - тот не ест, - лаконично подтверждает одноглазый, принимается разливать водку.

- Где?.. Куда вы его дели?.. Где Герман? - не унимается Нюшкин.

- Павлушка, проводи пассажира на камбуз! - кричит Иван Андреевич лысому бармену, сам берет за стакан: - Выпьем, дети мои, за мать-природу и за ее богатые кладовые, которые она нам щедро отдает... Помните, как это было у Ивана Сергеича?.. "Неизъяснимая тишина западает в душу... кругом так дремотно и тихо... Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-где растут высокие травы... грибы стоят отдельно под своими шляпками...". "Отдельно", вы слышите?.. "Грибы стоят отдельно...". Помнил... помнил чистокровный орловский дворянин... всегда помнил... даже в своем далеком Буживале... даже на чужбине никогда не забывал про милую каждому русскому сердцу закуску...

Нюшкин не слушает старческие - по его мнению - бредни, мигом идет за барную стойку. Павлушка приоткрывает дверь, выпускает его в "служебное помещение", сам входит следом.

Небольшая кухня забита оборудованием, за которым прячутся повидавшие виды дельфтинские изразцы. По одну сторону колдует у плиты лысый повар в засаленном когда-то белом халате, по другую, в самом углу на перевернутой кастрюле сидит в компании светленькой девочки и розовощекого мальчугана с излишним весом измазанный грунтом Герман Иммануилович, глотает слезы, неловко чистит длинным кухонным ножом огромный для его непривычных рученок грязный лохматый клубень.

Иммануил вскрикивает, стереотипно хватается за сердце сколь искренне, столь же картинно: видеть плод чресл своих, своего преемника-продолжателя в таком замызганном незавидном положении ему невыносимо...

Герман поднимает глаза на отца, бросает все тут же, с криком "папочка!" кидается к родителю.

Цепкие пальцы повара ловят его ухо, возвра-

щают тело на место:

- Куда, пострел?.. А ну, назад!..

- Вы что?! Прекратите сейчас же! Это мой сын! Кто вам позволил?.. - Нюшкин сжимает кулаки, выпячивает грудь, решительно делает шаг вперед, останавливается как вкопанный, поджимает хвост: повар-тиран как две капли воды похож на неприветливого видом и взглядом лысого бармена, а в руке у него угрожающе чугунный сотейник, в котором шипят в масле золотистые лисички...

- Петяй, это папаша... - говорит у Иммануила за спиной Павлушка.

- И что теперь? Он что, есть не будет?

- Нет... Я не буду... Я домой... спасибо... Спасибо, но мне... нам... Ведь нам уже домой срочно надо... У нас ведь режим... Ему уже спать пора...

- просительно скороговорит оробевший отец.

- Эй, лоботрясы, вам еще долго?! - кричит детям Петяй, глаз с Нюшкина не спускает.

- Всего пять картошечек осталось, дяденька, - отвечает ему тонкий девичий голосок.

- Иди в зал, они сейчас закончат, - распоряжается повар, возвращается к плите.

- Отпустите нас, а?.. Добрый человек...

На плечо Иммануила ложится тяжелая ладонь

Павлушки.

- Гаврилыч! Ядрена вошь! Ты что так долго?! - громогласно рад возвращению Ньюш-кина Иван Андреевич. - Иди скорей сюда... Дети мои, предлагаю выпить за Иммануила Гаврилыча... А почему я предлагаю за него выпить?.. По какой такой причине?.. Ваши верси...

- Знамо дело, за знакомство... За что еще в первый раз пить? - кряхтит взмокший от застолья Мишель.

- Тривиально, сынок... Кто еще выскажется?.. Одноглазый не участвует в викторине, так как опять разливает водку.

- Скверно, дети мои... Имею честь сообщить вам, что Иммануилу Гаврилычу не далее как вчера стукнуло ровно тридцать три года... Возраст Христа, так сказать...

- За это тоже грех не выпить, - кивает Мишель. Когда Иммануил слышит упоминание Христа, образ Безрукова-Христосвысоцкого в первый раз за день не проявляется никак. Он вдруг ощущает его отсутствие физически в буквальном смысле, совершенно разбитый он опускается на стул у соседнего столика, мысли в его

голове перестают складываться, перед глазами стоит сторбленный над клубнем картофеля Герман, его Герман с длинным черным ножом...

Рука одноглазого дотягивается до ножки стула, легко вдвигает тостуемого в тесную компанию.

Иван Андреевич встает, обводит присутствующих замутненным торжественным взглядом, затягивает на цыганский манер: "Хор наш... поет припев старинный, жидкий хлеб течет рекой... к нам приехал наш родимый... Иммануил Гаврилыч дорогой!"

С последними словами куплета на ноги вскакивает неожиданно ловкий для своих громоздких телес Мишель, подхватывает трубой Иерихона: "И-мма, И-мма, И-мма... И-мма, И-мма, И-мма... И-мма, И-мма... И-мма, пей до дна!"

Одноглазый со стуком-проливом устанавливает перед Ньюшкиным полный до краев стакан, в свою очередь присоединяется к речитативу: "Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!.."

- Пе-е-е-ей... раз... да еще... раз... еще много, много раз... пей раз, да еще раз, да еще много,

много раз...", - поют все трое, дружно отбивают ладонями ритм.

Иван Андреевич выдает цыганское коленце пару раз... следом еще пару раз... еще более цыганское... замирает, входит в образ... на неизвестном Иммануилу языке выразительно с чувством заводит в дно стакана как в микрофон: "Deux guitares en ma pensée... jettent un trouble immense... m'expliquant la vanité... de notre existence... Que vivons-nous... pourquoi vivons-nous? Quelle est la raison d'être? Tu es vivant aujourd'hui, tu seras mort demain... Et encore plus apres-demain..." ...

А клоун-то так и не пришел... вот ведь козел какой...

- Пей, раз... да еще раз... - басит Мишель.

- Да еще много, много раз... Пей, раз да еще раз, еще много, много раз... - поддерживает его одноглазый.

Завершается настойчивый наказ, когда Иван Андреевич залихватски разбивает об пол стакан-микрофон.

Вся троица довольная своим представлением выжидающе смотрит на Ньюшкина, на нетро-

нутый стакан с водкой в ее же лужице.

В этот момент к столику подходит потертый годами когда-то видный мужчина в твидовом пиджаке елочкой, галстук на отлете в сторону левого плеча, очках в золотой оправе, правую дужку которой опутывает белый лейкопластырь:

- Господа, прошу простить мне мое бесцеремонное вторжение... Я в совершенном восторге от родной природы, а также от того, как вы исполняете родные песни и пляски, и мне тоже будет радостно вместе с вами отмечать день рождения этого товарища...

- Товарищи все в Вене да в Лондоне... ноне... - пучит глаз на очкарика одноглазый.

- Это ничто... - заглаживает первоначальную негостеприимность Иван Андреевич. - Присаживайся, мил человек... у нас тут без разносолов...

- А у меня все свое... - с вызовом заявляет твидовый пиджак в елочку, - С детства не имею такой гнусной привычки, чтобы по дням рожденьям с братьями ходить и на шару совместно радоваться... - с этими словами выставляет на стол ополовиненную литровку премиального класса, с ней ведерко красной икры.

Мишель тут же теснится, освобождает место рядом с собой, куда тотчас основательно водворяется новый гость. Теперь на Иммануила, на нетронутый стакан в лужице водки смотрят четыре пары блестящих глаз.

Дорогая водка с килограммом икры производят на Ньюшкина положительное впечатление. Он видит в золотых пусть и перевязанных очках почти социально близкого, что добавляет ему храбрости, правда недостаточной, чтобы немедленно накинуться с попреками на вероломного Ивана Андреевича. Ее дефицит восполняется с неожиданным появлением светленькой девочки, которая выглядит болезненно-бледной в темно-синем ситцевом халате не по размеру. Пушистым веником и совком она проворно прибирает с пола дребезги стекла, после чего получает от одноглазого благодарность в виде банкноты в пятьдесят рублей в карман халата, быстро скрывается за барной стойкой.

- Как же вам не стыдно?.. - сверкает глазами, выпрямляется Ньюшкин-возмущенный, - Иван... э-э... Как же вам тут всем не стыдно?.. Вы... Как?.. Вам доверили маленького ребенка... а вы... вы... Как вы можете так?.. Ведь это дети еще... а вы... Вы - взрослые люди... Даже уже

пожилые... А вы... Я знаю... я понимаю, что девочки должны уметь готовить, но... Как же можно их заставлять?.. Как вам не стыдно еще таких маленьких... Они еще дети... а вы... Товарищ, - обращается он специально к золотым очкам, - Вот вы-то меня понимаете... Вы тоже... Хотя вы-то им скажите, что это нельзя... это запрещено... Кстати, детский труд у нас запрещен по закону... совсем... Ему, - Нюшкин указывает пальцем на Ивана Андреевича, - ему сами полицейские ребенка доверили, чтобы он его сторожил, пока я штраф заплачу, а он... он... Вы сами только что видели... Они тут над детьми издеваются... А еще... у него вот, - он вновь тычет пальцем в деда-капитана, - вот у него еще зять повесился и обругал его нецензурным матом в записке на груди... а он сам его "болваном" назвал... при мне... и... и... Товарищ, вы сами видите, он сидит... вот тут... он сидит и даже не грустит совсем...

- С чего бы мне вдруг вешаться? - вдруг вопрошает Мишель.

Его вопрос ни к кому конкретно из присутствующих не обращен, потому повисает в спертom воздухе зала, обрывает тираду оглушенного таким поворотом дел Иммануила,

который хлопает глазами, переводит взгляд с живехонького Мишеля на Ивана Андреевича, обратно...

- Папа, с чего это мне вдруг вешаться? - уточняет адресата философского вопроса невредимый зять.

- Не серчай, дорогой... Я на нем некоторые идейки шлифовал...

- Ну а почему опять про меня?.. Что за?.. Коляна, папа, между прочим, вы никогда не помните...

- Ты сам рассуди... Во-первых, кто сейчас поймет, кто такой деверь?.. Ты думаешь, он знает? - Иван Андреевич кивает на Иммануила, - Он такого слова ввек не слышал... Во-вторых, Николая - одноглазый, а одноглазый герой уже своим одноглазием слишком выделяется среди других персонажей... Нужно объяснять, что к чему... и тому подобное... Говоря современным языком, - бэкграунд... А в-третьих, я тебя тоже сделал краснодеревщиком... как и Николая... Гаврилыч подтвердит...

Ссылка Ивана Андреевича на Иммануила носит риторический характер, так как последний все также немо хлопает глазами, подтверждать ничего не собирается, только добав-

ляет в поле зрения Николая с руками "ландшафтного дизайнера", которыми тот невозмутимо разливает на четверых.

- Господа, я в совершенном восторге, что мы совокупно и так запросто поднимаем такие архиважные животрепещущие темы, - встречается в беседу твидовый пиджак, по четкости произношения шипящих которого можно без ошибки сказать, что первые поллитра проставленной литровки уже произвели необратимые до следующего утра изменения в его голове, - И в особенности поэтому... потому я хотел бы от самой глубины моей души поблагодарить этого товарища... я говорю, об этом молодом человеке... Я хочу поблагодарить его за подаренную нам всем здесь радость душевного и умственного общения и сердечно поздравить его с возрастом Христа... Виват, господа!

Родня без задержки следует примеру очкарика. По окончании питья все дружно смотрят на Ньюшкина, на так и нетронутый стакан в усыхающей лужице, ждут поступок.

- Зачем вы людей обманываете? - вместо поступка задает вопрос Иммануил. - Да еще так... Такими вещами не шутят...

- Всеми вещами шутят, - отрезает Иван Андреев-

вич.

- Действительно... - поддерживает его твидовый пиджак, - Почему бы не пошутить в хорошей компании? Смех, он, как известно, жизнь продлевает... И вы сами можете засвидетельствовать, что все живы и здоровы... здоровы и прекрасно себя чувствуют... И я считаю, что нам непременно за это следует выпить... Или лучше за шутку... За шутку обязательно следует выпить... Давайте, господа выпьем... За квинтэссенцию мыслительного процесса, выраженного в простом человеческом слове... Товарищ, вы за квинтэссенцию пить будете? - напоследок уточняет он у Иммануила.

Нюшкин в очередной раз за день не понял, о чем идет речь, в очередной раз кивает или скорее изображает кивок, который выходит у него столь неоднозначным, что его можно принять за нервный тик, однако твидовый пиджак трактует жест однозначно в пользу компании:

- Bravo! Чудно!.. Только посмотрите, господа, какая образцовая скромность... За себя молодой человек пить не стал... даже не пригубил... И уверяю вас, он не стал пить за себя только по причине своей скромности... А за квинтэссен-

цию - пожалуйста... сколько угодно...

- Со скуки он не стал пить, а не от скромности, - категоричен Иван Андреевич. - Он вчера весь вечер за возраст Христа хлестал... Любой на его месте на стенку б полез...

- Вы хотите сказать... Иными словами, вы ставите под сомнение скромность этого молодого человека? Я правильно уловил смысл?..

Все четверо пристально вглядываются в Нюшкина, определяют на глаз наличие, количество, качество скромности.

- Нет у него никакой скромности, - обретаёт полноту голоса одноглазый Николя. - Скромный человек первым делом поздоровался бы... Здравствуйте, мол, Иван Андреевич... приветствую вас и ваших знакомых... Разрешите, мол, поинтересоваться судьбой моего пропащего сына, оставленного вам на сохранение... А он?.. Ворвался и сразу в крик... Герман, Герман... где мой Герман?.. Словно он - это не он, а Лизавета...

- И потом за песню ни разу в жизни не поблагодарил, а папа, между прочим, очень старался... слова вспоминал... - поддерживает брата Мишель.

- А с утра не подумал со мной поздороваться, -

громко добавляет свои пять копеек обвинению бармен. - И спасибо тоже не сказал...

- Что вы на это скажете, молодой человек? - начинает прения твидовый пиджак.

- Я волновался... Я очень волновался за своего сына... - мгновенно находит себе оправдание Ньюшкин.

- И утром тоже? - не унимается Павлушка.

- Да, а утром? - прищуривается очкарик.

- Утром тоже волновался... Я с самого утра с ребенком... Мы гуляли... Я вот ему сына утром оставлял... Он сам мне предложил... Вот я и... Надо было быстро... вот я и волновался...

- Чудно! Видите, господа, молодой человек волновался... волновался и потому пренебрег общепринятыми правилами этикета...

По выражениям на лицах семьи понятно, что все трое единодушно находят слова Гаврилыча недостаточно убедительными.

Для доказательства своей благонадежности Иммануил хватает стакан, впивается в него губами. В награду получает соленый огурец...

...Ньюшкин с жадностью перебивает вкус водки красной икрой, не замечает, как в зале появляются дети. Они чисты, аккуратно приче-

саны. Девочка в платьице с кружевами несет глубокую тарелку, на которой возвышается гора аппетитных лисичек, за ней идет розово-щекий бутуз в бархатном пиджачке с блюдом отварного картофеля щедро покрытым укропом, замыкает процессию Герман Иммануилович с опухшими от слез глазами и соусником для сметаны. Повар Петяй стоит, подпирает косяк двери служебного помещения, с удовлетворением истинного профессионала наблюдает за торжественным выносом блюд.

С их появлением компания приходит в движение, родители воссоединяются со своими детьми.

Мишель, Николая, дедушка Ваня воссоединяются сдержанно, без лишних эмоций, усаживают их за стол...

Иммануил воссоединяется так, будто его Герман вернулся невредимым со всех мировых войн и всех локальных конфликтов вместе взятых. Он заключает свое чадо в объятия, потом осматривает, ощупывает его, снова крепко обнимает. Герман начинает рыдать у отца на плече, шепчет на ухо, что хочет домой, хочет домой к своей мамочке, Иммануил крепится что есть сил, но употребленный махом после

всех пережитых испытаний стакан водки уже расслабил его ранимый организм, он в свою очередь пускает горькую слезу отпрыску за шиворот.

- Bravo! Чудно! - восклицает растроганный видением единения твидовый пиджак, - Я в совершенном восторге, господа... Семейная идиллия... Бог ты мой... Такие большие отцы и такие маленькие дети... цветы на асфальте... совсем отверженные... без семьи... в холодном доме... Это просто чудесно! Делайте себе бутерброды с икрой, малышня, не протягивайте рук... не ждите помощи... помощи не будет... Это все вам... все для вас... молодым всегда у нас везде дорога... Ей-богу, я сейчас захочу расплакаться... - сам между тем рыдать и не думает, перехватывает инициативу у Николая, меткой рукой расфасовывает по стаканам водку.

- Так ты, мил человек, в следующий раз со своими приходи... - хлопает его по плечу дедушка Иван Андреевич. - Мы здесь, почитай, каждый второй уик-энд мануальной трудотерапией школьные двойки корректируем...

Герман крепко сжимает шею отца: "Папочка, папочка, давай от них убежим..." - "Убежим?.. Да, да, конечно, да, убежим... Сыночка, да,

давай убежим... обязательно убежим..." - шепчет в ухо сыну Иммануил, утирает рукавом sprysnutuyu sobstvennoy gorячей слезой свою правую щеку.

Но то, что позволено детям... Вскочить, побежать сломя голову к двери - это невысказано. Нужно непременно сохранить лицо, уйти с достоинством, пусть небольшим, хотя бы с некоторым, постепенно распрямлять плечи по мере приближения к выходу...

Нюшкин перебирает поводы, которые позволяют им ударить с гордо поднятой головой, однако выдумываемые наскоро предлоги не слишком благовидны, причины недостаточно вески... К тому невежливо уходить, когда Николая уже наполнил его стакан, а Мишель щедро накладывает на тарелку с голубым английским пейзажем манящие лисички, отварной картофель под зеленью, все щедро заливает сметаной...

Спасение приходит внезапно.

- Японский бог! - вдруг громко восклицает Иван Андреевич.

Все обращают свое внимание на вошедшего в кафе-бар курьера-водителя одновременно из Средней Азии и из японского ресторана, о чем

свидетельствует форменная куртка с узнаваемым красным пятном и веткой сакуры на груди. "Японец" склоняется к уху Ньюшкина.

- Эй, ты, с Фудзиямы, тебя здороваться в детстве учили? - вопрошает Иван Андреевич.

- Посмотрите... Именно об этом я только что говорил, - заявляет Николая. - Ни вам "здрасьте", ни "приятного аппетита"...

- Значит, ни разу он не японец... В Японии, там японцы все очень вежливые... Я бы даже сказал, чересчур вежливые... На наш, конечно, взгляд... Как заведенные со своими ритуалами... А что там у них в голове... Но по виду - никогда не скажешь... все очень церемонно... - откликается Мишель, насаживает на вилку крупную лисичку, вымазывает ее в густой сметане, - И тайцы, между прочим, точно такие же...

"Японец" озирается затравленным взглядом, молчит.

- Не тушуйся, басурманин, - настаивает на общении с чужеземным гостем Иван Андреевич. Фальшивый японец хорошо знает слова "чурка", "чучмек", "черножопый", а также производные от них с придатком из непечатных эпитетов, но слово "басурманин" ему не знакомо, поэтому он продолжает хранить молчание.

- Да он по-нашенски ни бельмеса, - встречается Павлушка.

- Ошибаешься! Все эта кишлячная палочка понимает... - обрывает бармена Николая, - Все он прекрасно понимает... Ишь, как глазенапы забегали... Но у них в кишляке такое в порядке вещей...

- Не может быть... - удивляется твидовый пиджак. - А как же... как же знаменитое восточное гостеприимство?..

- Нет никакого восточного гостеприимства...

- Совсем?..

- За всех не скажу, но точно не у них... - стоит на своем Николай, - Платан там отличный, против истины не погрешу, а что касается гостеприимства... Я в прошлом году в Ташкент за платаном ездил... там джизакское ворье столетние чинары под корень вырубает... - уточняет он. - Так слушайте, что я вам скажу: нет там никакого гостеприимства... Платан, как я уже сказал, - великолепный, грязи - по колено, дичи - полно, овец и баранов - без счета, а гостеприимства не больше, чем в Чертаново или Капотне...

- Про Чертаново ты все-таки слегка преувеличиваешь... - не соглашается с ним Мишель, -

Между прочим, там очень милые... иногда встречаются... Очень милые люди... И, между прочим, ты сам это прекрасно знаешь...

- Не цепляйся к географии... наш уважаемый собеседник не глупее тебя...

- Понимаю... конечно, понимаю... Господа, это совершенно чудесно! - с умилением хлопает в ладоши твидовый пиджак. - Bravo! Это совершенно невероятно! Господа, а мы с вами сейчас... сейчас у нас с вами совсем как у Достоевского... Припоминаете?.. Совсем как у него... Мы все... все мы такие разные сидим сообща за одним столом, преломляем хлеба, пьем вино, а попутно у каждого в головешке своя, своя собственная идея... Даже не идея, нет... своя собственная философия... эдакая умственная теория... И каждый непременно норовит ее всему миру вывести в самый полный голос... высказаться раз и навсегда во всю ивановскую... Точно мы все с вами вдруг внезапно на одном и том же митинге выступаем... Совершенно чудесно! Давайте я вам тоже что-нибудь поведаю... У меня, доложу я вам, тоже... и меня тоже свой рассказец есть... не без того... Я, к примеру, как-то раз свою душу дьяволу подарил... Не продал... нет... отнюдь... Я вам не

какой-то там коммерсант... не купчина толсто-пузая... Я именно подарил... подарил... Вот так взял и подарил... Если не скучно, могу прямо сейчас и рассказать...

- Давай, мил человек... не тушуйся... - кивает Иван Андреевич, - И внушкам моим хороший урок наперед будет...

Вся семья сосредотачивается на твидовом пиджаке, превращается в слух.

- В общем, дело было так... Случилось это памятное событие восьмого июня девяносто первого... Как сейчас помню... суббота тогда была...

Нюшкин пользуется моментом, вскакивает на ноги, подхватывает на руки Германа, плющит его о свою грудь:

- Вы... я... нам пора... Менеджер... из их ресторана уже несколько раз звонил... ему вот... Надо опустить вот этого вот... И вообще, у меня... у нас ведь режим... Нам ведь домой пора... уже давно... - Иммануил старается ни на кого не смотреть, не видеть чужих вопрошающих глаз, не придавать значения брезгливому взгляду белокурой пигалицы...

Он пятится спиной к выходу, выскакивает на улицу, устремляется к знакомому автомобилю.

Машина по счастью оказывается незапертой. Нюшкины быстро влезают на заднее сиденье под защиту откидных передних кресел; отец блокирует правую дверь, сын тотчас следует его примеру: изо всей своей маломочи вдавливая до упора кнопку левой двери.

Спустя пар секунд они видят, как появляется водитель-курьер, а за ним выходит грозный Павлушка. Иммануил сжимается в комок, мигом сползает с сиденья на пол, напуганный Герман повторяет за ним...

Тревога - по счастью или закономерно - оказывается ложной: бармен всего-навсего убирает с тротуара штендер...

Далее утвержденный в туалете японского ресторана план реализуется уже без каких-либо помех: через сто метров они останавливаются у банкомата, через двести пятьдесят доезжают до пункта назначения, где происходит расплата по счету... плюс на столь любимый понаехавшими азиатами чай... без сахара... копейка в копейку.

Вызванный из глубин памяти код домофона отворяет бронированную дверь родного подъезда, за которой Нюшкиных ждут цепкие зенки дюжего охранника в камуфляже.

Уфф... все... все кончено... дома...

Однако в оцинкованной матовой сталью кабине лифта Нюшкина охватывает паника. Через несколько этажей они выйдут, позвонят в дверь, Клара откроет, Гера бросится к ней, все ей расскажет... Его взгляд натывается на кнопку "стоп".

Вот, блин, шит... сделать вид, что застряли... а потом что?.. надо с Герой договориться, чтобы не говорил ничего... типа это будет наша общая тайна... пообещаю ему игрушку

какую-нибудь или гаджет... чего у него еще нет?.. вот шит... вот ведь блин... тогда просто новую... скажу, что новая модель... самая крутая... и мульты свои пусть смотрит хоть целый день... все равно... все равно проболтается...

Иммануил нерешительно нажимает на кнопку видеозвонка, но к его удивлению никто не отвечает. Он долго ковыряется с заковыранным замком, широко распахивает дверь, за которой автоматически загорается свет в прихожей, гостиной, коридоре в кухню, далее повсюду, где ступают ноги человека-хозяина. Клара отсутствует, забытый мобильный телефон находится на своем месте, заряжен, показывает четверть четвертого, как и бронзовые каминные часы с двумя канделябрами на фальшивом камине в гостиной.

Первым делом он проверяет входящие звонки. За исключением Собакина, отметились все давешние гости, а также родители с домашнего телефона. Кошкин, Щукины, Комаровы оставили голосовые сообщения с благодарностями за хлебосольство, самыми наилучшими пожеланиями (возраст Христа - хвала все-

вышнему! - не помянули).

Иммануил смотрит на сына, который привычно долго, но необычно тихо раздевается в прихожей...

- Гера, мой руки, будем обедать...

- Я не хочу...

Ему приходит в голову мысль, что сына мог покормить повар кафе-бара; он предпочитает не напоминать о неприятной истории, не уточняет, лишь дежурно спрашивает:

- Ты здоров?

- Да... А где мама?

- Мама в фитнес-клубе... скоро вернется...

- Когда?

- Скоро...

- Когда скоро? - упрямится Герман Иммануилович.

- Через два часа... - уходит от бессмысленных препирательств отец.

- Можно я пока мульты посмотрю?

- Конечно можно!.. Если захочешь есть, скажи...

Красавец-сын послушно уходит в гостиную, а сам Ньюшкин выкладывает на стол японскую снедь, затем исследует содержимое холодильника.

В его мозгу соседствуют две плохо сочетаемые мысли. Отсутствие супруги дает ему время, чтобы придумать, как переложить "рассказни сына" на язык взрослых: представить происшествие незначительным недоразумением, в котором в конечном итоге никто не пострадал, не мог пострадать по причине присутствия в истории представителей правоохранительных органов, однако само отсутствие супруги вызывает у него беспокойство совместно с закипающим возмущением...

Вот ведь... даже не позвонила, чтобы узнать, как мы... тут... а ведь уже начало... сколько там?.. что?.. уже половина?.. почти... почти на два часа дольше воздухом дышали... словно так и надо... а если бы меня в этой полиции задержали?..

Эту тему Ньюшкин предпочитает не развивать, он впивается в горлышко темной бутылки, промачивает пересохшее горло, выбирает суши с тунцом, втыкает его в зеленый японский хрен, запрокидывает голову завязтым маэстро, закидывает туда через ротовое отверстие розовую имбирную капусту, добрую под-

ругу белокочанной квашеной закуски хрустящей родной. Вдумчиво пережевывает вареный рис с сырой рыбой, отгоняет мысли о Кларе, силится сосредоточиться на составлении правдоподобной версии происшествия на детской площадке...

Первым-наперво он опускает посещение кафе-бара и магазина; его история начинается с того, как какой-то помятый дедок подсаживается на его скамейку, цинично употребляет коньяк... нет, водку с пивом и бутербродами на глазах у детей, их родителей...

Нюшкин восстанавливает в своей нетвердой памяти разговор о самоубийстве зятя, пытается понять, что могло бы означать "некоторые идейки шлифовал", вообще, что это были за такие "идейки", зачем их нужно было шлифовать, почему на нем... вообще, какая может быть связь между самоубийством и "идейками"?.. Не находит ни одной внятной версии.

Вот, блин, шит... вот ведь козел маркетинговый...

Следующий эпизод воскресной прогулки дается с большим трудом: доходчиво объяс-

нить, по какой причине полиция заинтересовалась в первую очередь добропорядочным господином с малолетним ребенком на руках, а не нарушителем общественного порядка в лице пьяного нищоброда с алкоголем и закуской на скамейке, задача не из простых. Еще сложнее объяснить Кларе, как можно было оставить на этого самого нищоброда Германа... их Германа...

Иммануил и сам не понимает, как это могло произойти. Он вспоминает полицейских, их тупые шутки, свои очищенные карманы, полный мочевой пузырь, вдруг ощущает жажду мести, которую не осушить никаким японским пивом, хватается смартфон, срочно вызывает юрисконсульта Кошкина полный решимости тотчас же покончить с коррупцией в рядах оборотней в погонах. Но Кошкин не отвечает. Вежливый автоответчик предлагает оставить абоненту голосовое сообщение, обещает перезвонить. Раздосадованный Иммануил изображает, как изо всех сил бросает свой смартфон в резной кухонный шкаф из массива дуба. Только изображает.

Он допивает бутылку пива, открывает вторую. Успокаивает себя соображением, что в воскре-

сень все равно никто ничего делать не будет... По такому рассуждению достает из холодильника початую накануне кварту двенадцатилетнего виски. На ум приходят аппетитные чистокровные орловские лисички на тарелке в кафе-баре...

Нюшкин наскоро оценивает адрес объекта, качество постройки, общую площадь зала, приблизительно площадь кухни, припоминает, что видел похожий кафель с голубым рисунком на старой печи в признанной аварийной квартире в историческом центре города, которую папин ГУП выгодно сбыв инвесторам стоматологических сетевиков...

Вместе с производимой оценкой блестящий, но совершенно фантазийный сценарий о триумфальной победе над продажными ментами с треском проигрывает в его соображениях отработанной до мелочей схеме по изъятию "интересного" помещения в свою с любимым папой пользу или в пользу третьих лиц с получением от последних щедрой комиссии за особо тяжкие хлопоты. Дело обещает того стоить.

Он вновь вызывает юрисконсульта Кошкина, который обычно обеспечивает родному папину ГУПу бесперебойную поставку санитар-

ных эпидемиологов, противопожарных, прочих жадных до чужого недвижимого имущества мытарей. Вновь слышит предложение оставить абоненту голосовое сообщение за обещание сразу же перезвонить.

Нюшкин проглатывает виски, закусывает его роллами без разбора, запускает работу мозгов на полную катушку. Ему улыбается возможность поставить на место Ивана Андреевича, повара, вообще свести счеты, поквитаться за собственное малодушие, которое определяется им лишь нерешительностью... излишней разборчивостью в выборе средств... наконец, благороднейшим человеколюбием... с Христос-Безруквысоцким в помощь...

В воображении Иммануила широкими мазками пишется картина, где все его обидчики теперь забитые испуганные в ожидании своей участи грудятся в углу кафе-бара, тупят глаза, не смеют более прямо смотреть на нового хозяина положения. Девчонка с мальчонкой рыдают в тридцать три ручья, Мишель, Николя, Иван Андреевич, повар, бармен, твидовый пиджак падают к его ногам как подкошенные, воздевают руки: взывают к милости, молят о снисхождении.

Вот ведь козлы... ну что, поняли, с кем связались?.. не ожидали?.. да?.. думали, так пройдет?.. без последствий?.. думали, я до вас не доберусь никогда?.. козлы маркетинговые... нищеброды поганые... будете теперь вечно в своем Сколково жить... на нанопособие... в нанорублях... и чтобы сюда больше никогда не совались... и своим грязным чайлдам разъясните, что им тут не место... слышите?.. ну, как теперь поется, а?.. козел старый... идейки он на мне шлифовал... туфли мне языком своим отшлифуй, чтобы я тебя за издевательство над детьми не посадил... я сегодня добрый... так и быть... что, не нравится?.. это тебе - маркетинг итальянской обуви... давай, давай... работай... ты, наверное, таких и не видел никогда... и больше никогда не увидишь... вы же, козлы, только китайское дерьмо носите... и скажите еще спасибо, что у нас тут двадцать первый век... что мы теперь все - гуманисты... вот ведь... высечь бы вас всех в гараже, чтобы на всю жизнь запомнили... чтобы в следующий раз... чтобы даже никакого следующего раза не было... и внуки твои пусть кланяются... так... ниже голову... так... так... я сейчас Геру сюда приведу... а для вас, козлов, он - Герман

Иммануилович... понятно или нет?.. не слышу?.. что ты там мычишь, а?.. сплясать больше не хочешь?.. что?.. и петь тоже расхотелось?.. то-то же... вот ведь нищелброды... маркетинг козлиный... запомните меня на всю свою жизнь...

Нюшкин взвинчен самосозданным видением барской расправы над холопами, добавляет в себя рюмку, лакирует ее пивом, грозным павлином направляется проведать будущего гражданина США, наследника семейных имуществ своих.

В гостиной перед сферической панелью последнего поколения, где мечутся яркие, угловатые контуром персонажи несуществующих сказок, на полу сидит, упирается затылком в кожаный диван Герман с огромными наушниками на голове. Он совершенно заморожен зрелищем, в его глазах мерцают-переливаются разноцветные пятна, из разинутого рта тянется к воротнику модного поло тонкая белая слюнка.

Иммануил присаживается по соседству, ароматной мелиссой бумажной салфеткой наскоро -

только бы не помешать просмотру - приводит в порядок внешний вид подбородка зомбированного компьютерной анимацией сына, с любовью к своим генам оглядывает его, после чего обращает свой умиротворенный взор на жидкокристаллический экран самого последнего поколения...

...неожиданно все помещение кафе-бара в одно мгновение заполняют двойники дежурного лейтенанта Горшкова в ослепительно блестящих доспехах легионеров из Морковкина проезда Ямского поля...

Иммануил вздрагивает, просыпается, щурит глаза от яркого света телеэкрана, ладонью защищает их от агрессивных красок мультипликации. Вокруг знакомая гостиная, в окне закат, сумерки, крыши, окна соседних домов. Рядом, как был, в наушниках спит Герман.

Он с трудом распрямляет затекшие ноги, поднимается на них, их же еле переставляет, бредет в кухню, там хватает недопитую бутылку японского темного, осушает ее залпом, морщится выдохнувшемуся пиву, консультируется

со смартфоном: часы показывают 18.46, пропущенных вызовов нет.

Нюшкин всматривается в цифры, осмысливает их до возникновения в голове вопроса "а где же Клара?". Вместе со сформулированным вопросом пробуждается окончательно, командным голосом произносит: "Кларик". Сотовый предпринимает попытку соединиться, но "аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети".

Вот шит... вот ведь... вот блин... да что там у нее?.. сколько можно?.. а может, у нее смартфон разрядился?.. вот ведь блин... хорошо, что Гера спит... и пусть себе спит... пусть спит... пусть... сейчас бы устроил... "где мама, где мама?"... лишь бы не проснулся... а я знаю?.. мне вот тоже хотелось бы знать, где наша мама... его мама... блин... вот где его мама?.. вот ведь... вот где она столько времени?.. и еще мобила молчит... что там у нее?.. вот ведь блин... что там в этом фитнес-клубе?.. сколько можно?.. а если... а если с ней... если с ней вдруг что-то?.. что-то с ней вдруг произошло... что там может быть?.. террористы... чечены... опять чечены захватили заложников в фит-

несе...

Скорая консультация со смартфоном и лентой новостей в нем не подтверждает очевиднейшую версию...

Или авария?.. а если вдруг с ней авария?.. авария... дэтэпэ...

Иммануил гонит от себя зарождающиеся мысли о предстоящем опознании изуродованного трупа жены в киношном кафельном морге с мерцающими зеленоватым светом лампами, непроницаемыми лицами санитаров за масками цвета размытой стирками морской волны, далее пышно-скорбные похороны с богатыми венками от него самого ("безутешного супруга"), коллективным от всех фитнес-клубов столицы, последующей за тем долгой совместной жизни с Германом, бабушками, дедушками, чрезмерно сердобольными родственниками обеих сторон по обе стороны... Он наскоро прикидывает, у кого и как можно узнать, где и что с его женой, заодно, с красавицей, которая еще смеет зваться матерью...

Когда пропадает домашнее животное, ребенок, мало кто отказывается помочь безутешному хозяину-родителю. Все (почти) всегда с воодушевлением принимают самое живое участие в поисковых работах... После все (из почти всех) с еще большим воодушевлением радуются благополучному исходу поисков. Абсолютно все с не меньшим воодушевлением скорбят, если помощь оказывается напрасной. После находятся те, кто пеняют хозяевам на их непростительную беспечность, невнимание к наблюдению за жизнью, за смертью, на невнимание в целом с неудивительно-ожидаемыми последствиями. Если же пропадает один из супругов, у ищущего в первую очередь встает вопрос, как подать необычайно-небывалое (!) событие так, чтобы численность тех, кто "после находится", не достигла своего максимума в количестве абсолютно всех в семейное дело житейское посвященных...

Иммануил долго перебирает в уме тех, кому можно позвонить, навести справки о судьбе дорогой не вовремя исчезнувшей второй половины. Он скоро констатирует,

следом недоумевает, поражается тому факту, что, за исключением своих тестя и тещи, ему совершенно не у кого справится о местонахождении Клары. В голове его, памяти смартфона, ноутбука нет ни одного сохраненного контакта с многочисленными подругами, знакомыми жены по школе, институту, курсам итальянской кухни, салонам, центрам красоты, гольфу, большому теннису... Тестя и тещу он тотчас же исключает, чтобы понапрасну не волновать пожилых людей, которые по завещанному порядку еще с советского порядка проводят бабье лето на Рижском взморье.

А больше звонить некому. Иммануил смотрит как баран на вдруг абсолютно бесполезный смартфон последнего поколения. Он прекрасно помнит поименно всех подруг, локализацию многих квартир их, дач некоторых, две-три презабавные истории о трех-четырех, но ничего конкретного ни в своей собственной памяти, ни в памяти окружающих его запоминающих электронных устройств при всем напряжении совокупных интеллектуальных способностей не находит.

Вот шит... вот ведь блин... как же так?..

ведь и узнать не у кого... Ируся, Машуня... еще другая Ируся... или та - Олюся?.. Олюся?.. да... Катюшка... Викуля... еще вроде была какая-то Танюша... еще Нюся... Лёся... нет, Лёся - это мордастый рыжий урод с тенниса... или... нет... нет, тот вроде Лёнчик был... точно, Лёнчик... вот блин, ему уж лет пятьдесят, а он все еще Лёнчик... Лёся... Лёся... была такая... точно была... кажется, парикмахерша... или повариха с итальянских курсов... Лёся... кто там у нее еще?.. Тася, Викуля... эту уже говорил... Вера... да, Вера... Вера с набережной... вид у них был - супер... просто супер... на миллион... ну, миллион-то слишком будет, но... да... с таким обзором... как там ее мужа-то?.. Юрий Яковлевич... да, Юрий Яковлевич... депутат... еще бы... такой вид... еще Лана с Андрэ... потом Даня... этот-то всегда один... наверное, из этих самых... да что толку-то... все равно ни одного телефона в памяти нет... хотя бы мейл один... что делать-то теперь?.. боже мой... тихо... тихо... хорошо, что этого придурка Безрукого больше нет... в образе... вот ведь... ведь все утро мозги парил... козел... на гитаре пел еще что-то там... вот козлинка... вот ведь козлинка какая... присобачить бы тебя нашими костылями... чтоб

никуда не вылезал... чтоб висел там на них у себя... и чтоб не слезал никогда обратно... кому позвонить?.. хорошо бы с Кошкиным посоветоваться, но... он-то - тот еще... он сразу поймет, что к чему... вот шит... вот ведь блин... вот лучше б менты... нет, реально, лучше б менты... и не было б сейчас никакого... никакого... вообще никакого геморроя не было б... совсем... блин... вот сама бы меня сейчас искала... по всем этим увэдэ и... вот сама б и искала...

Нюшкин раскаляется, льет дорогой виски вокруг рюмки, не попадает в нее совсем, что доводит его до точки кипения, когда раздается звонок смартфона - вызов абонента Нюшкина Иммануила Гавриловича абонентом Нюшкиным Гавриилом Григорьевичем.

- Моня, это папа...

- Да, папа, я и так вижу, что это ты... это мобильный... - плохо прячет свое раздражение воскресеньем сын.

- Я слышу, ты уже выпил... не надо этого... Моня... сейчас не время... Послушай меня, сынок, послушай внимательно... Алло... ты слышишь?.. Это все поправимо... Моня, уверяю тебя, - это все поправимо... я уверен... Моня, я

уже всех подключил... всех... В общем, это сейчас решается... будет решаться... Я у тебя сейчас скоро буду... по компьютеру этому... через десять минут сорок восемь... сорок семь... быстро доеду... я уже недалеко... Моня, все будет в порядке... Ты слышишь?.. Все будет в порядке... только выключи телефон... совсем выключи... Слышишь меня?.. Совсем выключи телефон и не звони никому... Алло, Моня... сынок?.. Хорошо... хорошо, ничего не говори, но обязательно сделай, как я сказал... Ты понял?.. Алло... Моня... Ладно, я уже... я уже сейчас буду... только не говори ни с кем... никому ничего не говори... И выключи телефон... ради бога, - Гавриил Григорьевич громко обреченно вздыхает так, чтобы это было слышно сыну-собеседнику.

Нюшкин-младший ничего не уяснил из сказанного Нюшкиным-старшим, он с удивлением смотрит на экран смартфона, словно ждет от него расшифровки, но фотография любимого папы, который - загорелый в солнцезащитных очках на глазах, белоснежной адмиральской фуражке на голове, с белозубой улыбкой на устах - демонстрирует миру свою богатую добычу - здоровенного серебристой

тушей тунца, молчит.

Вот шит какой... вот ведь блин... что за день сегодня?.. что там у него "поправимо"... с Кларой что-то... точно, что-то с Кларой... а я тут ничего не знаю... а он-то тогда откуда знает?.. могли бы сначала мне позвонить... я все-таки муж... или... наверное, они сначала позвонили ее родителям, а они потом сами с папой связались... да... точно... что там случилось?.. почему никуда не звонить?.. вот ведь... кого он подключил?.. блин, что там у них происходит-то?.. зачем кого-то подключать?.. кого-то... кого вообще подключать?.. как кого?.. что ты как маленький?.. их... тех самых, кого обычно подключают... вот шит... а зачем их подключать-то?.. она просто поехала в свой фитнес... вот ведь блин... что там?.. ну да... конечно... ее взяли в заложники... чечены... так я и думал, чеченские террористы фитнес захватили, а власти не сообщают, чтобы население... понятно... понятно... или... конечно... точно... ее похитили... похитили чечены... и теперь ментам звонить нельзя... и вообще никому звонить... они теперь... теперь все наши телефоны на прослушке... теперь они отслежи-

вают все наши звонки... все сообщения... и вообще все...

Иммануил походит к окну, упирается в стекло лбом, смотрит вниз на припаркованные возле дома и чуть поодаль автомобили, пытается определить тот из них, который должен осуществлять слежку. Не определяет. Возвращается к столу, неторопливо, без промаха наполняет рюмку, махом проглатывает воду огненную из далекой Шотландии, заедает ее сиротливым суши со свернутой полукругом подсохшей от ожидания едоков креветкой из ледяной Норвегии.

Плюет на папины наставления, по памяти набирает номер отчего дома. Находит маму; та не обнаруживает никакой паники, а самым привычным тоном спрашивается у сына о прошедшем празднестве вообще, о его самочувствии в частности, о своем внуке в отдельности...

Пока Софья Леонардовна многословит, Иммануил осознает бессмысленность своего звонка, сердает на свою порывистость, в итоге - глупость, грубейшее нарушение папиной инструкции. Ему представляется безликий офицер ФСБ из киносериалов посконного производ-

ства в сером костюме в сером тонами офисе с обязательным цветным фотопортретом круглощечкого Путина, который - кто из них? - внимательно смотрит на монитор, где подслушиваемый разговор отображается штормовой гистограммой, на глазах превращается в отформатированный текст без грамматических ошибок.

- Сынок, а где Клара? Я почему-то никак не могу до нее дозвониться...

Вопрос застаёт Иммануила врасплох:

- Кто?.. А-а-а, Клара... да-а... Клара... У Клары... мам, у нее там что-то с батареей в смартфоне случилось... вроде не заряжается... Вот она и поехала срочно в торговый центр... с Герой... поехала... Она поехала с Герой в торговый центр... Они недавно уехали... Примерно час назад... Скоро вернутся... Думаю, минут через... через полчаса или час уже будут... Представляешь, он целый день ныл, что хочет картофель фри... Ему вчера из-за гостей почти ничего не досталось... - сын фантазирует как может, одновременно с тем сообщает, что папа не стал беспокоить маму, вероятно, вообще не стал рассказывать ей о том, что случилось... о том, что он кого-то (известно

кого, в больших чинах, не иначе) уже подключил... о том, что не следует никуда звонить... что все будет в порядке... - А что?.. Зачем тебе Клара?.. Что?..

- Это наше... женское... Тебе будет неинтересно... Только подумай, у меня парикмахерша вдруг ушла в декрет, а скоро уже папин юбилей... И о чем она только думала?.. Они вообще ни с кем не считаются... Вот я и хотела узнать у Клары, к кому она ходит... Вам мальчикам... мужчинам... вам этого не понять... Я же не могу идти к непонятно кому... Тем более - юбилей... Ты, я надеюсь, помнишь?..

- Конечно... О чем ты говоришь?.. Конечно, я помню... Вот ведь... Ты думаешь, что я совсем...

- Сынок, никто ничего такого не думает... Я только... я только чуть-чуть тебе напомнила... С вашей... с твоей работой у вас... у тебя и без папиного юбилея дел хватает... Я только хотела тебе помочь...

- Спасибо, но я все помню... К тому же у меня все в смартфоне... Мам, сейчас все автоматически... Двадцать первый век...

- Кто бы говорил... Кто в прошлом году забыл поздравить тетю Валю из Лондона?.. Пусть она только троюродная, но все же... Забыл уже?.. А

она мне потом звонила... высказывала... Вы, молодые не чувствуете этого еще, а нам обидно... и объясняй потом им... Вот где он тогда был твой двадцать первый век?..

- Мам, это была старая модель...

- Кстати, не забудь ее в этом году поздравить... Кажется, в ноябре... Я сейчас посмотрю... подожди, я сейчас посмотрю...

Иммануил освежает богемский хрусталь, заглядывает в холодильник в поиске подходящей закуски. Ярко-красный лосось напоминает о сквере с дедом-капитаном, потому в дело идут блеклые оливки с анчоусом.

- Алло? Сынок, ты слушаешь?..

- Да, мам...

- Записывай... сейчас очки надену...

- Я готов... диктуй.

Иммануил не записывает, не запоминает. Плевать он хотел на тетю Валю из Лондона, прочих - со слов дедушки Леонарда - дальних проходимцах, тем более сейчас, когда каждое произнесенное ими слово слушается, анализируется, добавляет в дело новые подробности, новых фигурантов, которые будут лишь мешать, усложнять, отвлекать своим присутствием, ненужным количеством, в итоге окон-

чательно задержат уголовное расследование, чудесное вызволение Клары из лап жестоких похитителей...

Вот шит... вот ведь блин... конечно... ведь бизнес... ничего личного... конечно... ничего личного... ничего... ничего... что-то на работе случилось... на работе... точно на работе... точно там... вот ведь... у папы возникли траблы с клиентом, а они потом похитили Клару... вот шит какой... вот ведь блин... вот поэтому-то он сразу и подключил всех... всех... и все поправимо... конечно... конечно, поправимо... надо... надо... что надо?.. вот пусть он сам все теперь решает... это все равно из-за него все... вот шит... вот ведь... блин, блин, блин... целый день один сплошной гемор...

- Записал?.. Или... как это теперь вы говорите?.. Сохранил?.. Так?.. Как это у вас теперь правильно говорится?.. Вбил?..

- Mam, я перезвоню...

Иммануил прерывает родственное общение, снова идет к окну, снова не обнаруживает автомобиля слежения, снова возвращается к столу, снова наполняет рюмку, снова махом ее осу-

шает, закидывает в себя оливку с филе микро-скопического анчоуса вместо косточки.

Папа... папа... вот ведь... вот шит... вот ведь блин... у тебя, блин... у тебя серьезные, очень серьезные траблы... вот ведь... блин, блин... что ты там нариэлтил?.. что там было?.. вспоминай... вспоминай, Моня... давай... думай... надо еще бы допинга добавить... надо бы... стоп... стоп... соберись... нет, потом... допинг потом будет... сейчас соберись... ничего... ничего не было... обычные... обычные объекты... все - по закону... вот шит... все по закону было... все бумажки... все... все подписи реальные... все - чисто... не докопаешься... никто и не... юристы все сто раз видели... проверили...

Еле слышимый звук вдруг распахнутой входной двери раздается, доносится до Иммануила, который вздрагивает всем телом, сворачивает голову в сторону его...

В освещенном ярким светом коридоре стоит Гавриил Григорьевич, осматривается, идет в кухню:

- А что это у вас дверь нараспашку?

- Как нараспашку?..

- Вот так... Как, по-твоему, я вошел?.. Я же не Копперфильд какой-нибудь, чтоб сквозь стены проходить...

- Наверное, Гера плохо закрыл...

- Ты что это?.. Ты все-таки выпил уже? - возмущается чадом отец, - Моня, я же тебя предупредил... А где все? Ты один?

- Гера там, в комнате... мульты смотрит... смотрел... а потом заснул... Я решил не будить его,

чтобы... Пусть лучше спит спокойно...

- Это правильно... А Клара где?

В воцарившейся тишине пол с подогревом уходит из-под ног Иммануила... Он опускается на стул, с изумлением смотрит снизу вверх на отца.

Гавриил Григорьевич не понимает смятения сына:

- Что? Что случилось?.. Где она?..

- Я ждал, что... Я думал, это ты мне расскажешь, что с ней... Ты сам только что по телефону мне сказал, что уже всех подключил и... и что все теперь будет в порядке... Ты сам только что говорил... - лепечет Нюшкин-младший.

Настает черед Нюшкина-старшего показать свой талант изумляться, однако он лишь морщит лоб, стягивает воедино разрозненные мысли, поскольку обладает информацией, которая дает ему все основания сперва предположить, следом незамедлительно прийти к логическому умозаключению, что внезапное исчезновение невестки вовсе не случайно.

- Все ясно... Крысы бегут с потонувшего корабля, - многозначительно делает вывод Гавриил Григорьевич.

Слово "корабль" ассоциируется у Иммануила

со шкиперской бородкой Ивана Андреевича; в этот раз он не отмахивается от неприятных воспоминаний, наоборот концентрируется на них, чтобы хоть как-то обуздать хаос мыследвижения в своей голове, тем самым не сойти с ума.

Козел маркетинговый... нищерброд... вот шит... в Хайфе он был... вот ведь блин... вот быдло козлиное... я тебе... я тебе покажу "идейки"... я... я тебя, козлинка маркетинговая... я тебе такой Оснемцин вместе с Холостоком органирую... я тебя в такой список Швондера запишу... ты такого еще никогда не видел... на весь целый двадцать первый век меня будешь помнить... крыса...

- С Германом мы тебе, конечно же, поможем. Тут ты можешь быть спокоен. Пока все не закончится, мы с мамой возьмем его к себе. И для него же так тоже лучше будет, чтоб он не видел своего отца в таком вот состоянии... Ты подумал, какой пример ему потом будет? Все такие вещи потом на всю жизнь под сознанием остаются...

А почему крысы?.. причем тут крысы?.. кто это вообще такие?.. о ком это он?.. это он о?.. это что, это он о Кларе, что ли?.. вот ведь блин... сам-то больше всех тогда радовался, а теперь... выгодный брак, выгодный брак... вот ведь... сам тогда говорил, а теперь... теперь... но он-то сам... стоп... стоп... он-то сам... но он сам ничего не знает, где она... вот блин... да где она со своим фитнесом столько времени?.. и зачем тогда он всех подключил?.. вот ведь блин... шит какой-то... да что происходит-то?.. блин... вот ведь блин... вот ведь...

- ... но нам... я повторяю... нам... нам всем с мамой... нам ничего уже не поможет, если ты сейчас же... Ты слышишь меня?.. Так вот нам никто и ничего не поможет, если ты, Моня будешь прятать от меня всю правду... от меня и... и от всех нас с мамой... Какая бы она не была бы... Ты понимаешь?.. Любую правду... всю... Только правда... только она одна сейчас нас всех спасет... Только одна правда... чистая... чистая правда... Ты это понимаешь или нет?..

- Папа, ты что?.. Вы сегодня все сговорились?.. Вот ведь... Какая еще правда? Какая тебе понадобилась правда? Ты что думаешь, я сам Клару

похитил? Или сразу убил... и в ванной разрезал на куски?..

- Моня, что ты несешь?! Кому ты тут комедию показываешь? Решил, что самый умный? Думал, нас всех вокруг пальца обвертеть? Должен тебя огорчить, ничего у тебя не вышло. Нам все известно. Теперь нам все известно. И не только нам. Теперь вся страна тебя знает. Слышишь, Моня, - вся страна... Доигрался... И не только... еще и иностранцы... черт бы их... Вот с этим хуже всего... Теперь задарма не выкрутиться. Подставил ты нас всех, Моня... Вот так это называется. Подставил. Думал, что это шуточки?.. Думал, что вот так вот просто поиграешь в политика в свободный выходной день, а потом преспокойно будешь жить дальше и не кусать ус от досады за бесц... Короче говоря, попали мы теперь... сильно пропали... Это я тебе говорю... Я знаю... Я же их лучше тебя знаю... Я их как... Теперь просто так не отделаться... Обкорнают как липовые деревья...

- Какая еще политика? - раздраженно морщится Иммануил сперва, следом счастливая догадка мелькает в его голове, отображается сиянием на лице, - Вы меня разыгрываете! Вот ведь... как я сразу?.. Я понял... Вот ведь... Это типа телешоу

"Розыгрыш"? Так? Типа такой подарок на день рождения?.. Целый день - один сплошной розыгрыш... а вокруг одни актеры... Теперь-то ясно, почему они там танцевали и пели... и вообще весь концерт... Вот ведь... Все было специально подстроено... А я поверил... А полицию, наверное, потом забикают, потому что там была... Ты знаешь, они там у себя между собой только матом разговаривают...

Гавриилу Григорьевичу страсть как хочется вернуть любимого сына в действительность старой доброй оплеухой из своего собственного детства, в то же время ему на ум приходит соображение, что неожиданное помешательство Иммануила может быть очень неплохим - просто отличным - выходом из создавшегося положения. "Даже если он мне сейчас комедию показывает, все равно неплохо... - тут же развивает свою мысль Гавриил Григорьевич. - Вполне естественно у него получается. Надо было его вместо танцев в театральную студию отдать... Главное, чтобы он не слишком долго был в рядах оппозиции... Тогда все получится. Как же я проморгал? Все работа... ни на что времени нет. И чтобы не среди основателей

или руководства... Только не... не дай бог... Тогда тихо положим его в лечебницу... Потом надо будет быстро оформить опеку над имуществом, чтобы Клара со своей хитрожкой семейкой лапу на все не положила".

- А по какому каналу показывать будут? Или это только для нас?.. Типа - семейное хоум видео... на память про день рождения... - с легким сердцем от души веселится Иммануил. Его ребяческое любопытство прерывает входящий звонок от Антона Яблокова:

- Алло, Моня... нет... извини... ты, ты теперь Иммануил... навсегда... всегда и во веки... Иммануил, только ничего не говори... Иммануил, я хочу, чтобы ты знал, и чтобы все знали, если что... если кто тут по соседству ушами слушает... что я горжусь, что мы с тобой знакомы... Моня, знай, что если что... знай, что я всегда...

Иммануил открывает рот, чтобы уличить готового Яблокова в пособничестве праздничному розыгрышу, но тот уже положил трубку.

- Кто звонил? - строго вопрошает Гавриил Григорьевич.

- Антоха... - не обращает внимания на суровый

тон Иммануил, достает из шкафа рюмку для отца.

- Какой Антоха?

- Антоха Яблоков... Мы с ним вместе в бадминтон играли...

- А-а, да, кажется, помню... Его отец тогда торговал фармацевтикой... Не знал, что ты с ним еще дружишь... Он все там же?

- Откуда я знаю? Но могу спросить... Мы теперь будем еще и в медицину инвестировать?..

В сложившейся ситуации Гавриил Григорьевич воспринимает ироничный вопрос сына как вызов общественной позиции, мнению неутомимых приобретателей начальных разбросанных там-сям капиталов.

- Ладно, пошутили и достаточно, - ледяным голосом ставит точку всем шуткам Ньюшкин-старший. - Отвечай, как долго ты в оппозиции? Ты у них кто? Я надеюсь, что хотя бы не в руководстве...

- Папа, все... все... хватит... Я вас раскусил... Дорогие телезрители, шоу "Розыгрыш" закончено... Спасибо за подарок... Я и вправду поверил... Круто все у вас вышло, но Геру все-таки могли бы не впутывать... Но все равно спаси-

бо... Теперь можно спокойно выпить за прошедший день рождения... Отличные виски... целых двенадцать лет... - повеселевший Иммануил предъявляет этикетку, льет себе и любимому папе.

- Господи, и в кого ты такой вырос?.. Прав, был тогда Леонард Константинович... Царство ему небесное... - обескураженный отец разводит руками, выходит из кухни.

Вот, блин, шит... да пошли вы... все... все вместе... блин... и с дедулей тоже... вот ведь блин... и тетю Валю свою из Лондона не забудьте... вот туда же... в виде праздничного бонуса... отдел подарочной упаковки на первом этаже у лифта в паркинг...

Гавриил Григорьевич скоро возвращается со своим бизнес-рюкзаком, из которого без лишних в текущий напряженный момент жизни слов извлекает ноутбук, на насмешливо-снисходительных к устаревшему поколению глазах любимого сына добросовестно подключает устройство к столичной электроэнергетической сети.

Далее полным патетики тоном изрекается фра-

за: "Моня, я, мы... мы все категорически требуем от тебя объяснений".

Нюшкин-младший поднимает рюмку, собирается отшутиться благодарственным тостом, одновременно взгляд его падает на дисплей ноутбука... Заготовленный в нехитрых извилинах спич там и остается, вместо него приходит ясное осознание того факта, что злосчастный первый день тридцать четвертого года беспечной сладкой доселе жизни далеко не окончен...

На экране репортаж полнокровного корреспондента "НТВ" на фоне здания знакомого УВД, куда подъезжают служебные автобусы сине-белой расцветки, из которых одного за другим выдергивают несогласных активистов, с заломленными руками тащат по асфальту к подъезду, где вдруг мелькает, узнается тотчас физиономия правоохранителя пониже.

Иммануил мгновенно спадает лицом, он оставляет нетронутой рюмку, с нарастающим неотвратимо в глубине души ужасом вглядывается в изображение...

Уши - словно чужие - с трудом разбирают четкую речь убедительного своей бойкостью ре-

портера: череду готовых чеканных фраз из коротких отрывистых слов-выдохов... Он и не пытается вслушаться, пока в видеокадре (общий план, без репортера, без автобусов с оппозицией, без полицейского пониже) не появляется собственной персоной он сам, Ньюшкин Иммануил Гаврилович, который стрелой вылетает из дверей УВД, мчится со всех ног по улице, стремглав сворачивает за угол... "Один из задержанных совершил побег из-под стражи... Наша съемочная группа стала свидетелем этого дерзкого преступления в прямом эфире... В настоящее время задержанный беглец разыскивается сотрудниками всех правоохранительных органов...", - завершает свой репортаж специальный корреспондент.

В голове Иммануила разом появляется столько мыслей, что вычленив хотя бы одну, простую, пусть самую короткую представляется задачей неразрешимой.

- Я жду объяснений, - как можно суровей произносит Ньюшкин-старший.

- Они сами... Папа, я никуда не сбегал... Они сами... сами меня отпустили...

- А почему же ты тогда тут бежишь? От кого? - в голосе Гавриила Григорьевича не слышно

никакого доверия к лепетанью своего отпрыска.

- Я... я писать хотел... очень хотел... очень-очень... - честно признается сын. - И еще... еще Гера...

- Что Гера? - лаконичность вопроса призвана подчеркнуть драматизм ситуации.

Подобный бесстрастно-холодный тон уши Ньюшкина-младшего не слышали от любимого папы никогда, ни в розовом детстве, ни в посвященном безуспешному поиску талантов отрочестве, ни когда на первом курсе он под воздействием сильно-синтетических веществ превратил в металлолом его коллекционный "ЗиМ", а также встречные "Форд", "Мазду", "Ладу-Калину"...

Под спудом обстоятельств-перспектив совсем не радужных Иммануил пускает дозированную слезу, сознается во всем.

Он старается быть как можно менее многословным, подбирает фразы, чтобы в запале не наговорить лишнего, избежать ненужные подробности дня, которые сути самого дела не касаются, касаться - по его разумению - не могут,

не должны; он также тщится отбросить - по возможности сил - все свои эмоции, которые тоже к делу не подшить. В итоге его рассказ о затянувшейся воскресной прогулке походит на сухой текст первых средневековых хроник, фронтовую сводку, серию смс-сообщений...

События в кафе-баре сокращаются до необходимого повествованию минимума, посещение японского ресторана подтверждается пакетом с логотипом из мешка с мусором.

По завершению изложения своих невзгод он стирает ладонью слезы со щек, проглатывает выдержанный виски без малейшей радости на лице.

"Острый приступ алкоголизма в данной ситуации тоже неплохо, - соображает про себя Гавриил Григорьевич. - Белая горячка и все... И не надо больше никому ничего объяснять... Все сами все поймут... Обычное дело... С кем не бывает?.. Все войдут в положение... Должны войти... А мы пока тихо положим его на лечение... Куда-нибудь подальше... За границу куда-нибудь, чтоб тут на глазах не торчал... А там... Да пусть там и остается... все равно никакого проку тут от него... Только кривотолки не по

месту... А сейчас не время... Только не сейчас... Сейчас нам бы лучше свернуть с глаз нашу родственную семейственность".

Иммануил находит полный невеселых дум взгляд отца:

- Ты мне не веришь? Это все - правда... Это и есть правда... настоящая... чистая... как ты... как вы с мамой и хотели...

- Моня, дело не во мне. И не в маме. Важно, чтобы другие тебе поверили. Мы - семья. Важно, чтобы тебе поверили другие... остальные... посторонние... Понимаешь или нет?

- Понимаю.

- А раз понимаешь, должен понять, что это совершенно непонятно, как можно оставить ребенка на чужого, совершенно незнакомого человека... Как может нормальный человек... нормальный отец оставить своего ребенка из хорошей обеспеченной семьи неизвестно кому?.. Ты хоть понимаешь, на что это похоже?..

- Я понимаю, папа. Но это все полиция... полицейские... Они сами мне сказали, чтобы он... чтобы дедушка Геру посторожил... Мы потом должны были все вместе назад за ним вернуть-

ся... за дедушкой... И это даже хорошо, что Гера туда не поехал, потому что они там... они-то там, я тебе говорил... они там только матом между собой... через каждое слово... Зачем ему такое слушать?.. Ему-то еще пока рано...

- Моня, только не надо теперь из себя изображать... Только не надо... Господи... дожить до христового возраста и доверить нашего внука первому попавшемуся алкоголику... Не мог потерпеть?

- Он не... У него, между прочим, зять - наш коллега... Он у него - ландшафтный дизайнер... тоже урбанизацией занимается... Мы бы могли с ними совместно... типа совместный бизнес... или что-нибудь такое... только он вдруг повесился недавно... И вообще... вот ведь... ведь ничего не случилось... Можешь сам посмотреть... Ничего с Герой не случилось... Живой... целый и невредимый... смотрит себе свои мульты и... Если хочешь знать, его сейчас больше интересует, где его мать... Вот куда она делась? Она в фитнес-клуб еще в полдень поехала... Собиралась поехать...

- Моня, я вижу, ты совсем не понимаешь, что происходит... - возвращает голосу всю его строгость Гавриил Григорьевич.

- А что?.. Я тебе все объяснил... Тебе любой подтвердит... Я рассказал, как все было... по правде... а не у... не так, как там у них в их телевизоре... Папа, ты сам подумай, мне-то зачем эта политика?.. Их Сирия с Крымом мне вообще по барабану... Или что там у них сейчас?.. Мне-то какое дело?.. Я туда точно никогда в жизни не поеду... И вообще, я со всем согласен... со всем... Мы что, плохо с тобой живем?.. Я-то все прекрасно понимаю... Ньюшкин-старший находит слова сына разумными, что несколько успокаивает его. "В конце концов, от телевизора всего можно ждать... На видео вроде никто за ним не гонится, а комментарий они могли потом сами добавить, чтобы подпустить утку ..." - уговаривает он себя про себя, но вслух тем же сухим строгим голосом распоряжается тотчас же собрать Геру, которого лучше сейчас же увезти подальше, чтобышний раз не травмировать психику неокрепшего ребенка без матери... с отцом-пьяницей...

Сами вы все...

Ньюшкин-младший обижается, а на пороге

кухни появляется Ньюшкин-наименьший. Он покачивается на некрепких ногах, тыльными сторонами ладоней стирает с глаз остатки затянувшегося послеобеденного сна, распознает дедушку, с жалобным возгласом "дедуля!" крепко обхватывает его ногу, упирается лбом в пах, так замирает на мгновение, вдруг оборачивает хмурое лицо к отцу, мстительным взглядом буравит его исподлобья... Кровь застывает в жилах, Иммануила берет оторопь: в глазах своего отпрыска он без труда разглядывает открытый к предъявлению счет...

Вот шит... он им все расскажет... вот ведь... блин... блин... надо было сразу ему что-нибудь наобещать, чтоб молчал... вот блин... что теперь делать-то?.. вот ведь блин... и даже хорошо, что Клары нет, а то... стоп... стоп... лучше не думай... нет ее и... и... и в такой ситуации даже отлично, что нет... вот только где она?.. она не пойми где, а я потом во всем виноватый буду... когда Гера всем все расскажет... вот ведь... вот шит... вот блин... вот ведь блин... с самого утра сплошной геморрой... что за день такой сегодня?.. сплошные траблы... вот, блин, шит... одни сплошные траблы...

- Дедуля, а где мама?

Гавриил Григорьевич не готов к подобному вопросу внука, он немо открывает рот, смотрит на сына, ждет подсказки...

Иммануил, который уже совершенно был готов сдать воле обстоятельств, неожиданно получает невольного союзника в помощь.

- Гера, сыночка, дедушка еще не знает... Мама сломалась... У мамы машина сломалась... случайно... Ничего страшного... На паркинге... И она... мама... мама в полном порядке... И еще у нее телефон... У нее... у мамы разрядился телефон... - Иммануил обнаруживает, что день для него не прошел, но вернулся даром экспромта, импровизации; фантазии к его собственному удивлению даются ему необычайно непринужденно легко, - Она звонила, пока ты спал... Я хотел тебя разбудить, чтобы ты с ней поговорил... но она... мама... мама сказала мне, чтобы я тебя не будил... для того, чтобы ты поспал... и чтобы ты хорошо выспался... Это очень плохо... опасно... плохо и опасно резко прерывать сон в таком возрасте... вот в твоём вот раннем возрасте... Тем более что ведь ничего страшного не произошло... Главное, что ты цел... ты цел, невредим... здоров... - напропалую сочи-

няет сын внуку на глазах у отца, - Еще я ей... маме... я маме тебя показал... как ты спишь перед телевизором... И она... и мама сказала, чтобы мы выключили телевизор... из-за твоих мультков... Но я тебе все равно разрешаю... Слышишь, сыночка?.. Я тебе разрешаю... Ты можешь смотреть свои мульты, сколько ты хочешь... всегда... Ты только попроси... и я всегда тебе разрешу...

- Да, иногда можно посмотреть... - перехватывает инициативу у разошедшегося не на шутку отца дед, - Но не всегда... нет... не всегда... А сейчас, Герочка, мы поедem к бабушке... Она уже нас ждет. А по дороге заедem... Угадай куда?.. Я уверен, ты сам знаешь... Уже догадался?.. Как я понимаю, вы с утра еще ничего не ели...

Иммануил медлит с ответом, поскольку вопрос так или иначе может быть связан с событиями в кафе-баре, которые в его повествовании были скомканы в короткую фразу. Он смотрит на Германа, который демонстративно отворачивает голову.

- Я так и знал... Моня, так же нельзя... Сынок, ведь ребенок сидит голодный весь день-деньской, а ты что?.. Хорош отец... Какой

пример?.. А-а, что тут с тобой говорить... - путается в дозированных упреках Гавриил Григорьевич в роли дедушки "дедули".

- Папа... не надо... Он спал... Как ты хочешь, чтобы он поел, если он заснул перед телевизором?.. Клара сказала, чтобы я...

- Моня, прекрати... Слышишь? Только мне не надо сочинять... И хватит препираться... Герочка, иди, иди, мой маленький, иди, собирайся скорее... Сейчас мы поедем к бабушке Софе, но сначала купим тебе по дороге твой любимый бургер и самую большую порцию картошки фри...

В ужасе Герман отшатывается от деда, издает протяжный визг-вой, на который способны только малолетние дети, об пол с подогревом по заведенной привычке не бьется, но удирает из кухни со скоростью персонажей любимых мультфильмов.

Гавриил Григорьевич в растерянности смотрит на сына:

- Что с ним? Он же всегда любил бургеры с картошкой...

- Не знаю... Он в последнее время очень капризный стал... То одно, то другое... Сегодня это ем, завтра уже не хочу... Чуть что не так - сразу

в крик... Ночью просыпается... Сны ему какие-то все снятся... кошмары... Недавно вот приснилось, что он на какой-то кухне чистит картошку... длинным ножом... даже не ножом, а мечом... или саблей... - беззастенчиво городит Иммануил.

- Это все от его мультфильмов идиотских! А ты ему еще потакаешь... Я раз с ним посидел перед телевизором, так у меня потом целый вечер голова на составные части раскальвалась... Надо это прекращать немедленно, а не то так и до... Так можно и в больницу с диагнозом угодить... Надо его отвести к врачу. Завтра мама позвонит, и мы на неделе обязательно сходим. Что же вы за родители?..

- Папа, не надо... не надо вот этого... Я на работе целыми днями... Ты-то должен знать... И вот это вот про родителей... Ты это Кларе объясняй... Только ее сейчас нет... И лично я вот не знаю, когда она появится...

Гавриил Григорьевич взмахом в сердцах руки показывает, что не намерен больше ничего слушать, бросается вслед за внуком.

Вот шит... вот ведь блин... дурдом... вот точно - дурдом и есть... весь целый день... це-

лый день - полный дурдом... вот ведь блин... блин... с ними и сам такой скоро будешь... блин... вот ведь... надо бы еще добавить, а то... а то - что-то опять...

Иммануил без задержки обращает мысль в действие: виски безвкусно принимается слизистой оболочкой рта, легко струится по пищеводу, там оседает под надрывное блеяние сквозь слезы сына, монотонный баритон отца.

Супер, что я про кошмары сообразил... просто супер... вот ведь... круто... очень круто... пускай теперь рассказывает... пускай... кто ему теперь поверит?... никто не поверит... никто... вот... пускай сочиняет... и ничего с ним не случилось... никаких педофилов и... кто там еще детей обычно мучает?... маньяки... вот... вот ведь блин... ведь ничего не случилось... ни педофилов, ни маньяков... цел и невредим... только капризничает как обычно... то ему не то, это не это... вот ведь... такое вот поколение... ведь целое поколение такое растет... такое капризное... вот в нашем вот детстве... в вашем... да, вот в вашем-то вот детстве... вот у вас-то... у вас тогда вообще никакого картофеля фри не

было... совки... вот ведь... вы-то были бы только рады... только представьте у себя в уме... большая порция... самая большая...

Упоминание еды вкупе с согретыми алкоголем внутренностями вызывает у Иммануила чувство крайнего голода, он распахивает холодильник, убирает подальше лососину, но на глаза попадает яркая цветом красная икра в стеклянной банке. Она же напоминанием о застолье в кафе-баре перебивает обличение нравов современной детворы...

Вот шит... вот ведь блин... вот козел... вот зачем он?.. блин... козел... все козлы... устроили песни с плясками... вот ведь... и зачем он про зятя все придумал?.. вот зачем?.. зачем ему надо было выдумывать про зятя?.. будто я знал его... если бы знакомый, то - ладно... еще какое-то письмо сочинил... вот ведь козел... про интернет зачем-то спрашивал... вот блин... вот ведь козел какой... вот зачем ему все это было надо?.. ведь не просто вот так... зачем-то ему надо было... зачем?.. вот шит... хамон подойдет... иди-ка сюда... так... корнишончики... что тут еще?.. а где все?.. вот ведь блин... шит

какой-то... надо заказать что-нибудь... вот ведь... папа, ну что ты бурчишь, отвези внука в пиццерию... точно, надо будет пиццу заказать... это самое быстрое... и пиваса... точно, пиццу и еще пиваса... когда они там уже закончат?.. скорее бы... вот блин... Гера... папа... вот ведь блин...

Ему становится невыносимо присутствие отца и сына. В голове его снова возникает образ Безрукова-Христосвысоцкого: скорбный он сидит в пустыне на камне, струны рвет на гитаре, которая как гусли лежит у него на коленях...

Иммануил в раздражении морщится, освобождается от назойливого актера, но на его месте появляется чугунок с картошкой в мундире, из которой на глазах прорастают желтые соломины картофеля фри. Попутно голос Ивана Андреевича сообщает, что "Копперфильд твой заказал картофель фри, а чистить его сегодня некому".

Вот шит... вот ведь блин... вот причем тут Копперфильд-то?.. причем тут вообще фокусы?.. вот уроды... Копперфильд... что вы

вообще о нем знаете?.. козины нищербродские... вы-то его только в телевизоре видели...

Иммануил Гаврилович в сопровождении родителей лично наблюдал за выступлением популярного иллюзиониста, когда тот в декабре 1999 года давал представления в столице. Уже тогда семья Ньюшкиных располагалась в самом партере... на не самых плохих местах...

Он в нетерпении схлопывает, отключает от электроэнергетической сети, аккуратно укладывает в бизнес-рюкзак отцовский ноутбук. Потом, чтобы только занять себя, наполняет свою рюмку, за компанию рюмку родителя после короткого размышления. После ожидания немногим более продолжительного пьет в одиночестве, захрустывает кривеньким пупырчатым нежинским корнишоном, пережевывает хамон-запрещенный без должного удовольствия, с каждым жевком убеждается в верности выбора пиццы, которая будет непременно с сочным ананасом, с не менее сочным куриным филе, с дополнительным слоем нежнейшего сыра...

Богатое кулинарное воображение еще больше

распалает аппетит, - пиццу хочется съесть немедленно. Но предварительно ее следует заказать, чему мешают неразборчивые звуки общения деда с внуком. В данный момент они вообще лишние, их присутствие становится совершенно нестерпимым... Волна гнева накачивает на Иммануила, всем своим существом он ощущает невозможность бытия под одной крышей с отцом, с сыном... Он садится, принимает позу обреченного пациента перед дверью врача-специалиста в приемном покое.

Вот шит... вот ведь блин... вот ведь... надо это закончить... пойду и скажу им, что в пиццерии нет никакой картошки... что там можно только пиццу заказать... и еще лазанью... и пасту... и... и пусть туда едут... сколько еще можно его уговаривать?.. папа... алло, папа... сколько еще?.. ты дед или ты не дед?.. папа, давай... давай уже... и бабушка тоже ждет... надо маме позвонить... вот... она их сейчас быстро... нет... лучше пусть так... сейчас сам пойду и... вот сейчас пойду и сам все им скажу... вот ведь шит... блин... вот сейчас...

Ему не удастся осуществить задуманное,

так как в кухню входит Гавриил Григорьевич. Появление его стремительное, по всему своему виду не предполагает никаких задержек:

- Все в порядке, мы едем к нам. Где мой?.. А молодец... спасибо. Правильно, в таком деле - малейшее замедление... Тут надо все быстро делать... Но должен сказать тебе, сынок, с Герой что-то не то... что-то не то... Его надо вести к врачу... Его надо срочно вести к лучшему специалисту... Как же вы не замечали все это время?.. Как вы могли не замечать?.. Но... ладно... ладно. Уж мы с мамой теперь им займемся... можешь быть уверен... Но как же вы не видели этого?.. Ладно, ты... но Клара... она же всегда дома... Как вы могли?.. В голове не складывается...

На том Ньюшкин-старший закидывает рюкзак за спину, мигом уходит.

Иммануил собирается выйти вслед за ним, чтобы дать напутствие сыну, заодно передать привет маме, но не выходит: из своей пустыни Безруков-Христосвысоцкий взирает на него иконописными буркалами похожими на глаза Германа. С досады он осушает отцову рюмку, отправляет следом за ней корнишон. Его хруст заглушает совершенно звуки вне черепной ко-

робки...

Вот шит какой... опять этот козел... вот блин... опять он тут... шит... Гера... Гера... а если он ему прямо сейчас покажет кафе?.. прямо до дороге?.. блин... надо звонить Кошкину... надо срочно Кошкину... и... и закрыть их... а там... точно, прямо завтра туда с проверкой... нет... если они прямо сейчас туда поедут, то не успеем... блин... блин... Гера... что Гера?.. сам-то тоже... надо было сразу ехать за какой-нибудь игрушкой... сразу... это как с ментами... уладить быстро... на месте... а теперь... только бы не сейчас... вот шит... вот ведь блин... только не сейчас... не сейчас... а завтра можно все устроить... СЭС, пожарников, налоговую... кого угодно... кого угодно... было кафе и нет его... вот так... какое кафе?.. где?.. сыночка, ты что-то сочиняешь... где оно?.. посмотри сам... это тебе показалось... тебе приснилось... а дедуля с бабулей отведут тебя к хорошему доктору, и потом все будет хорошо... нет, сыночка, уколов не будет... никаких уколов... обещаю тебе... и мама... мама тоже обещает... вот только где она?.. вот ведь блин... вот где она сейчас?.. сколько там уже?.. семь... семь сорок две...

почти восемь уже, а ее все нет... блин... вот ведь блин... Клара... Кларик... где тебя носит?.. уже почти восемь... какой фитнес?.. какой еще фитнес целое воскресенье?.. ты посмотри, что с Герой творится... а ты... я-то на работе, а ты только о себе думаешь... его к врачу срочно вести надо, а ты в своем фитнесе... хорошо, что папа с мамой позаботились... твоим-то родителям... им-то все равно, что тут с внуком... у них-то бабье лето... как обычно... им-то по барабану... и ты такая же... точно такая же... целыми днями дома сидишь, а сама не заметила, что с нашим сыном в это время происходит... я-то на работе целый день, а ты... вот как ты могла?.. один английский на уме... а что у него в голове в это время... вот ведь... не надо тут кричать... вот только истерики не надо... ты сама виновата... сама во всем... вот где ты была?.. блин... была, быть... есть... вот где ты сейчас?.. была... есть... вот ведь блин... Клара, вот где ты есть сейчас?..

- Мы готовы, - сухо информирует сына отец с порога кухни.

- Маме привет передавай...

- Попрощаться с внуком... с сыном не хочешь?

- Нет... Да... Нет, я хочу, но сейчас, наверное, лучше... Папа, я лучше потом... Я завтра к вам сам приеду после работы... Мы завтра вместе с тобой...

- Что? Нет. Нет, Моня, на работу тебе завтра не надо... Моня, надо, чтобы все пришло в предыдущий вид. Ты сам себя только что наблюдал в ноутбуке... В такой ситуации тебе не следует быть на государственном посту. Нам сейчас кривотолки ни к чему. И не только... Сейчас нам такая лишняя реклама только в тягость будет... Нам надо подождать, когда все окончательно выяснится. С такими вещами не шутят... Нельзя шутить... Поэтому посиди пока дома. Это не обсуждается... Мы потом задним числом тебе справку в поликлинике выпишем, если вдруг понадобится. Сам никому не звони и вообще ни с кем ничего... Все. Я тебе потом сам позвоню, когда приедем. И гулять тебе сейчас совсем не надо. Не время... - напоследок Гавриил Григорьевич испепеляет взглядом сына вкупе с виски, корнишонами, хамоном.

В отместку Иммануил-независимый сейчас же берется за бутылку, но тотчас пугается своей дерзости, замирает, задерживает дыхание... Как можно бесшумней тончайшей струйкой вли-

вает золотистый напиток в рюмку, также бесшумно возвращает бутылку на стол, ждет-вслушивается, когда закроется дверь, только после отважно пьет, не закусывает, но торопится нарушить все папины инструкции, хватается за смартфон...

Аппарат абонента "Кларик" по-прежнему "выключен", далее следует очередь Кошкина, который также "вне зоны действия сети", не менее далеко оказываются остальные ближай-шие друзья-приятели, их жены, известные ему подруги; доступен для общения только абонент "Яблоко", но тот не отвечает.

С каждой неудачной попыткой соединить-ся внутри него, где-то в районе солнечного сплетения мало-помалу зреет, потом рождается неприятное ощущение пустоты, чувство если не безотчетного страха, то вполне определен-ного беспокойства.

Иммануил в обычных для себя "вот", "шит", "ведь", "блин" пытается осмыслить скукожив-шуюся не ко времени сотовую сеть, но маги-ческие слова вдруг множатся, перепрыгивают с места на место, смешиваются в "шитвотвот-

блиншитведьблинвотведьвотвотвот". В памяти всплывают реплики отца, его ледяной тон, его непривычное негодование... Теперь - вкупе с исчезновением Клары, с необъяснимым своей одновременностью отсутствием друзей, приятелей с их женами-подругами - оно больше не выглядит столь надуманным, беспочвенным. Он делает попытку воспроизвести вероятную логическую цепь папиных рассуждений, звенья которой - "полиция", "бегство", "розыск", "телевидение"...

Его осеняет ужасной догадкой: выпуск новостей с его участием мог видеть не только любимый родитель (странное поведение Яблокова - лучшее тому подтверждение). Следом за ней приходит понимание, что абоненты "находятся вне зоны" совсем не случайно, но закономерно.

Он сам поступил бы также, окажись среди его знакомых беглый оппозиционер родному демократическому режиму.

Нюшкин повел себя схожим образом, когда его друг детства-юности по бадминтону Антон Яблоков проходил сначала подозреваемым, потом свидетелем по делу о жестоком

убийстве заместителя председателя участковой избирательной комиссии.

Нужно отдать ему должное, он не повернулся к товарищу спиной, но лишь стоял в пол-оборота до тех пор, пока с гражданина Яблокова Антона Анатольевича не были сняты все подозрения в соучастии.

Мысль о том, что произошла чудовищная ошибка, за которой стоят недобросовестные журналисты, а он сам ни к чему не причастен, перебивается очевидным соображением, что никто, кроме него, полиции, разношерстной компании по воскресной прогулке в сквере, об этом знать не может. Ньюшкин берет за бутылку, но вспоминает о вожаденной пицце (питание - прежде всего!), отправляется за ноутбуком, чтобы оформить заказ онлайн. Он обходит комнаты непривычно пустой квартиры, в сотый раз поминает Клару с ее фитнесом...

Вот, блин, шит... вот ведь... а если она совсем ушла?.. блин... и ничего не сказала... нет, так нельзя... вот ведь блин... так нельзя... вот шит... а если?.. надо ее вещи посмотреть...

вроде все на месте... и документы тоже тут... вот шит... как же так?.. как можно все ей разъяснить, если она трубу не снимает?.. и вообще никого нет?.. вот ведь... какая еще политика?.. какая может быть политика?.. вы что?.. вы совсем с головой поссорились?.. когда я?.. мне-то зачем?.. блин... я на этих журналюг в суд подам... пусть опровержение делают, что я никакой не оппозиционер... что я всегда поддерживал... а потом моральную компенсацию... по полной программе... по самой полной... надо с Кошкиным... блин... вот только где он?.. вот шит... если сегодня не дозвонюсь, надо будет завтра к нему на работу... сейчас посмотрю, как там их фамилии... сейчас надо всю информацию собрать, чтобы потом время не тратить... чтобы все готово было... а завтра с утра к Кошкину... объясню ему все... мы этим козлам такой счет выставим... сразу в суд... чтобы знали... вот ведь козлы... козлины, блин... не с теми связались... будете меня помнить...

Полный энтузиазма конкретно разобраться с безответственной властью четвертой власти Нюшкин влетает в кухню, расчищает "рабо-

чее место" для ноутбука, включает его, пока тот автоматически устанавливает соединение с глобальной сетью, подбадривает себя жидким допингом, безжалостно натягивает на локти рукава брендового поло, берется за дело...

На популярном видеохостинге он внимательно пересматривает, чутко переслушивает репортаж о своем побеге из стен УВД.

Совсем не сразу обращает свое внимание на количество просмотров, осознает с изумлением, которое заставляет его трепетать, что оно - без каких-то там жалких единиц - уже достигло целого миллиона.

Так приходит лихо слава мировая...

Нюшкин давно перестал грезить о какой-либо славе или хотя бы популярности. Он не был семи пядей во лбу, но еще в отрочестве к нему пришло ясное понимание своего места в этом мире, приятное ощущение его теплой покойности; так приоритетом его бытия стало поддержание привычной температуры. Одновременно с тем затаенное юношеское намерение обязательно удивить-потрясти-поразить весь свет приобрело характер совершенно абстрактный, с годами взросления вовсе поза-

былось за ежедневной суетой сует, лишь изредка возвращалось фантомными чудовищно несусветными фантазиями по мотивам амеротечественных блокбастеров.

В окрестностях Судака солнце склоняется над Лысой горой, у ее подножья за двойным оцеплением легионеров грудится миллион верблюдов, любопытных, мулов. Они не спускают глаз с Безрукова-Христосвысоцкого, у которого отчего-то насчитывается аж две пары рук: одна намертво прибита гигантскими костылями к поперечной перекладине креста, другая ритмично бьет по струнам гитары.

Нюшкин-знаменитый больше не обращает ни малейшего внимания на бездарного актеришку, ему не терпится поскорее узнать, что думает, как оценивает миллион четыре тысячи семьсот пять - уже! - пользователей его храбрый поступок, его самого. Он жаждет всеобщего одобрения, абсолютной поддержки, только лишь ее, объективы теле-, видеокамер, пышные букеты нетерпеливых микрофонов у самого носа, аплодисменты, овации, вау-любовь...

Ожидания поначалу оправдываются: от смайликов желтит в глазах, восклицательные

знаки во множестве несчетном выстраиваются тесным частоколом... Однако уже в первом содержательном комментарии Иммануил натывается на словосочетание "гнильный пидор"... Второй указывает на Госдеп, третий безапелляционно заявляет, что "эта сучара продалась пиндосягине еще в чреве матери", четвертый кроваво-красным шрифтом призывает "не кормить ольгинских"...

Он прокручивает страницу вниз, читает совет "срочно валить из рашки", на который следует незамедлительный ответ "и пусть пиздует к хохлам", потому как - накидывает очередной участник дискуссии - "нашей стабильной стабильности ихние разноцветные майданы тут в хуй не упирались", "нам и так здесь заебись" поддерживает его еще один анонимный инет-активист...

Безруков-Христосвысоцкий рвет струны, глотку: "Вот, вот, шит вот, вот, вот, вот, блин, ведь вот, вот, вот..."

Иммануил машинально вызывает "Кларика", затем обдуманно "Кошкина". Недоступность последнего в сей раз отзывается в нем несравненно большим беспокойством, нежели пропажа супруги...

Он вдруг вспоминает, что узнал об уголовно-террористических проблемах Антона Яблокова именно от Кошкина, который как-то между привычным недвижимым делом ненавязчиво поинтересовался, откуда у него появилось столь необдуманное знакомство... Только сейчас он отдаст себе отчет в том, что тогда Кошкин еще не был лично знаком с Яблоковым. Это открытие неприятно поражает его.

Он хочет соединиться с Антоном, чтобы развеять свои подозрения или в них утвердиться, но вспоминает наказ папы, тотчас отказывается от своего опрометчивого намерения: в сложившейся непростой сомнительной - даже с точки зрения родственников - ситуации не стоит связываться с приятелем со смутным прошлым...

Нюшкин собирает мысли, тянется к бутылке, которая оказывается порожней. Огорошивается, удостоверяется в сухости ее дна, в итоге воспринимает событие знаком... Оставляет посуду в покое, сучивает бровями глаза, возвращается к просмотру всенародного отклика на свое славное дело.

Пока он размышлял, страница обновилась: количество просмотров подошло вплот-

ную к миллиону сто тысяч. В свежих комментариях его привлекает пользователь с ником "ЖГИЖ!", который полужирным парангоном кричит, что в УВД "активиста и борца за либерализм в нашей стране подвергли самым жестоким пыткам...", чуть ниже размещает ссылку на "самую аутентичную информацию из надежных первоисточников 24 часа в сутки". Ссылка ссылается на блог "Жучеева, гражданина и журналиста".

На главной странице сайта автоматически загружается видеосюжет, где селфи кудрявого сытого Жучеева на фоне здания УВД первым делом сообщает о себе, своих небывалых достижениях в килолайках, о своей многочисленной команде профессионалов, которые день-деньской заняты расследованиями истинной правды, предлагает подписаться на свой новостной канал, после чего решительно отправляется на поиск "неизвестного оппозиционера, ставшего еще одной бесчисленной жертвой кровавого режима в Кремле".

К четырнадцатой секунде трусцы гигапиксельная видеокамера со стабилизатором фиксирует у бесстрашного блогера нешуточную

отдышку. Селфи останавливается, переводит дух, осушает жажду популярной минеральной водой (этикеткой к объективу) из неизвестного гидрогеологам источника, поминает всех честных людей, которые без пощады к животу своему ищут не хайпов, а дорогой сердцам настоящих патриотов нашей страны правдивой истины; после этого вступления понижает голос, доверительно обещает пользователям, что они прямо сейчас станут непосредственными свидетелями того, как оно обнаружит место, где "все еще час с небольшим назад скрывался спасшийся из лап пыточного УВД храбрый оппозиционер".

Иммануил узнает тихий переулочек, делает вывод, что речь пойдет о японском ресторане. Безруков-Христосвысоцкий не перестает рычать, но зеваки из Судака на Лысой горе более не обращают на него никакого внимания, они рукоплещут кудрявому чернявому солисту в роли телеведущего Урганта, который на пару с концертным роялем совершенно необъяснимым образом возник рядом с крестом. Действительно, он видит на экране монитора знакомую вывеску, знакомого беременного мордоворота на входе, знакомые палочки в шиньоне луно-

ликой старшей официантки.

Последняя заявляет, что "руководства сейчас нет", подтверждает посещение ресторана "немножко странным" клиентом, в конце обреченно замечает: "Мы же всех должны обслуживать". В кадр без приглашения влезает физиономия секьюрити: "Он... этот, про кого ты тут... так он первым делом сразу в сортир рванул... как вошел, так сразу туда первым делом...". Луноликая покрывается багрянцем, глаза сливаются в штрихи: "Нет, он вначале сделал заказ и только потом уже... У нас так положено... А потом - да... потом он пошел... туда... вон туда... быстро пошел...". - "Рванул зайцем, а не пошел он быстро... - настаивает охранник, который учуял свои пятнадцать минут. - Ему почки отбили... Я в этом кое-что понимаю... я раньше в одной больнице... Ну, это не важно... В общем, я там санитаром был... там еще не такое увидишь... Так я, как он в сортир рванул, сразу неладное почувал...".

Вот шит... вот ведь... блин, блин... не может быть... вот ведь блин... да вы что?.. вы что такое там несете?.. вот шит какой... да вы что?.. вот ведь блин... вот ведь козины какие...

Целеустремленное селфи блогера препи- рательствам разгореться не дает, просит дозво- ления лично осмотреть туалет. Получает неза- медлительное разрешение охранника, катего- ричный отказ старшей официантки, которая настаивает, что для этого ей нужно связаться с руководством.

Последующая перепалка персонала быстро вы- ходит за рамки хорошего тона и цензурных словосочетаний, переходит в потасовку, в ходе которой выясняется, что новейший стабилиза- тор пиксельной видеокамеры не соответ- ствует заявленным рекламой характеристикам... потом и вовсе пропадает изображение... не- многим дольше работает функция "звук"...

Вот шит... вот ведь блин... что там у вас еще?.. вот ведь козлы... козины какие... блин... надо бы пиваса... и пиццу... конечно, пиццу... пиццу... пиццу... конечно... вот шит блин... забыл... совсем забыл со всеми этими... вот ведь блин... но начнем с пиваса, а то опять что-то не то...

Только Ньюшкин собирается встать, транс- ляция возобновляется: в кадре вход в ресторан,

затем селфи блогера с рваной ранкой на правой щеке:

- Как вы сами могли убедиться, в наше непростое время даже самая надежные и новейшие образцы современной зарубежной техники отказывают, когда встречаешься с вот такими... с такими, если можно так выразиться, людьми... Посмотрите сами... будьте свидетелями... - оно демонстрирует окровавленную бамбуковую палочку для еды, - Эта... особа... Как вы только что могли сами наблюдать, старшая официантка отказалась пропустить нас в туалет... Как мы ни старались, ни на какие наши уговоры она не пошла и оказала самое яростное сопротивление праву всех честных людей на получение самой последней и достоверной информации на моем авторском сайте. Посмотрите внимательно... Вы все только что были свидетелями, как этой самой палочкой на ваших глазах эта особа женского пола нанесла независимому журналисту проникающее ранение в область щеки... - указывает на кровоточащую точку, - Посмотрите, убедитесь сами своими глазами, что тут присутствуют следы капель крови того, чей святой долг доносить до своего народа слово истинной правды... двадцать четыре часа

в сутки... триста шестьдесят пять дней в году...
А сейчас я прекращаю трансляцию и срочно направляюсь в мединскую клинику, чтобы зафиксировать у себя следы нападения на меня. Не сдерживайте себя, ставьте лайки, подписывайтесь на мой новостной канал... реквизиты для поддержки независимой журналистики вы найдете внизу страницы... Навсегда с вами был и остается независимый журналист и гражданин Жучеев Илья Геннадиевич.
Видеосюжет завершается незамысловатой анимированной заставкой "ЖГИЖ!" под музыку из "Невыполнимой миссии".

Разочарованный Ньюшкин взлохмачивает небрежную с утра прическу свою. Безруков-Христосвысоцкий с окраины Судака перестает играть, опускает руки, с немым вопросом во взоре смотрит на неунывающего телевиртуоза в своих ногах...

И что? и что теперь?.. вот шит... вот блин... вот ведь блин... и что? и что теперь дальше?..

Иммануил надеется найти ответ в коммен-

тариях равнодушных граждан-пользователей, однако среди них преобладают те, кого исход сватки охранника со старшей официанткой интересует несравненно больше, чем судьба неизвестного оппозиционера; разгорается жаркий спор о восточных единоборствах, доходит до словоприкладства...

Другие задаются схожим вопросом "что это было?", попутно уличают блогера Жучеева в доморощенной любительщине, а наиболее радикальные объявляют автора журналистского расследования профнепригодным, советуют вернуться в школу за парту или хотя бы дома повторить матчасть...

Вновь появляется призыв "не кормить ольгинских"...

Юзер "Адмирал неоспоримость" авторитетно расставляет все точки над "и": "Дебилоиды тупые!!!! Вам на русском языке показали, что человек сбежал из ментовки, потому что менты его там по почкам били. Поэтому он и помчался к этим японцам, чтобы там у них помочиться. Это вы по парадным да лифтам или под первым встречным уличным фонарем ссать привыкли, а нормальные интеллигентные люди в туалет по нужде ходят"...

Интеллигентные... интеллигентные люди... интеллигент... ин-тел-ли-гент... вот... вот ведь... а ведь точно... вот так и есть... вот так оно и есть... поэтому... вот поэтому-то все так сегодня и получилось... весь день... и с ментами... и особенно в кафе этом... вот шит... вот ведь козлы маркетинговые... хорошо, что вам интеллигентный человек попался, а не то... вот козлины... они всегда этим пользуются... знают, что настоящий интеллигент ничего им не делает потому, что он... потому что он - интеллигентный человек, а не какой-то там нищерброд... вот они этим и пользуются... вот шит... козлины... подлые... подлые козлины - вот кто они... самые настоящие подлые козлины... еще какие-то идейки он шлифовал... вот ведь козел... наверное, хотел развести... точно... точно... это какая-то такая хитрая подстава... и все

другие тоже с ним в стоворе... особенно этот... особенно урбанист одноглазый... глаз-то его... наверняка нарвался на кого-то... на кого-то... что ты, как маленький?.. просто на неинтеллигентного как-то нарвался и все... вот сразу и получил... по заслугам... так с ними и надо со всеми... и тот в золотых очках с икрой тоже... вроде бы незнакомый... он только так прикидывался... наверняка, чтобы меня еще больше отвлечь... еще и чайлдов своих козлиных притащили... вот ведь блин... вот козлы... знают, что настоящему интеллигенту детей жалеть полагается... вот ведь козины... каждой нашей слабостью пользуются... каждым просчетом... только отвернулся и... вот ведь козлы какие... еще несчастненькими вечно прикидываются... а сами-то... скажите спасибо, что мы... что мы - интеллигентные люди, а не то... я... мы... мы бы с вами... мы бы с вами со всеми быстро разобрались... нищоброды козлиные... мы бы... вот ведь козлы какие... вы еще увидите... я... мы... мы... какое "мы"?.. забыл?.. "мы"... вот ведь... ведь никого "мы" больше нет... вот, блин, шит... ведь все недоступны... или выключены... и теперь никакого "мы"... они-то все думают, что я убежал... что я... вот ведь блин... вот

шит... вот как они могли поверить?.. как они могли в такое вот поверить?.. я в оппозиции... я и в оппозиции... вот шит какой... вот ведь блин... какая оппозиция?.. какая еще оппозиция?.. чтобы я когда-нибудь?.. разве я давал хоть какой-то повод?.. хоть самый маленький?.. какая еще может быть оппозиция?.. против чего?.. и мне-то зачем?.. зачем мне самому против самого меня?.. вот шит... они-то должны это понимать... вот ведь блин...

Иммануил достает из холодильника бутылку пива, собирается к ней приложиться, но соображение, что русскому интеллигенту не следует хлебать из горла, прерывает привычное движение руки. Он вытаскивает из посудомоечной машины чистую пивную кружку, хоть сохнет в горле, наполняет ее терпеливо... слышит мелодию входящего смс, от неожиданности вздрагивает...

Клара!.. это Клара...

Он хватается смартфон, видит текст "пап срочно кинь на мегафон 89293245678 2300 р мне не звони я потом объясню", протирает

глаза, вчитывается еще раз...

Вот шит... вот ведь козлы... сейчас... сейчас кину... конечно... сейчас все брошу и кину... вот ведь блин... вокруг одни мошенники... везде... одни мошенники... вот, блин, шит... еще и тупые... вот совсем ведь тупые... хоть бы проверили, что Гере только пять лет еще... вот ведь козлы нищевродские... правильно этот... как там его... "адмирал" этот... правильно он все сказал... "дебилоиды"... вот они все и есть самые настоящие дебилоиды... козлы дебилоидные... вот ведь... вот, блин, шит... все они на наше... все на наше интеллигентское добро жадные... на наши материальные средства... им-то дай только волю... только дай...

Нюшкин быстро набирает максимально грубый ответ, после чего с чувством исполненного перед всей русской интеллигенцией долга доликает кружку до самого края, жадно пьет, утоляет жажду до дна. Остро чувствует необходимость добавить, - открывает последнюю бутылку из японского ресторана...

Пицца... все, теперь пицца... пицца и еще

пиваса закажу... нормальные интеллигентные... вот... вот... вот именно... нормальный интеллигентный человек... мы всегда страдаем самыми первыми... мы самими первыми... всегда... так... теперь пицца... но мы ведь всегда первыми... вот шит... кто с этим будет спорить?.. мы-то... да... и нечего тут спорить... мы всегда... пицца... теперь пиццу... пиццу и пиваса...

Ноутбук ожидает Ньюшкина на той же странице. Он собирается незамедлительно открыть закладку пиццерии онлайн, но успевает краем глаза заметить свежий грубый ответ неоспоримому адмиралу: "ты блядина пиндоская иди на хуй со своей неоспоримостью твой сраный пассивный оппозиционер исламский террорист на самом деле получи факты и неоспоримые доказательства и фак ю пиндосина если по нашему не всасываешь", с ним несколько фотографий с подробными комментариями. Иммануил без труда узнает сквер, детскую площадку, аллею со скамейками, велосипедистов-фотографов вместе, порознь, за их спинами самого себя в обществе мамыши-террористки...

Вот...

На том речь его пресекается... Он подается вперед, пристально вглядывается в изображение, хотя в этом нет никакой надобности: добросовестный оппонент адмирала увеличил один из снимков так, чтобы ни у кого не возникло ни тени сомнения в личности мужчины, который "после побега из УВД негласно контактировал с неизвестной женщиной в хиджабе"...

В его голове все неурядицы дня сливаются разом в единое слишком громоздкое для нее переживание. Запертое немостью, оно пухнет комом безмерным, отдается ломотой в груди, наконец распадается на несвязанные образы, фразы, рассыпается в бисер разноцветных пятен, бессмыслицу слов, одинокость слогов, в винегрете которых шутихой вспыхивает, отдается глухим монотонным стуком в висках непостижимый разуму "терлигент"...

Ему мерещится, что стены, пол, потолок кухни расходятся в стороны, отодвигаются от него на пугающе недостижимое расстояние, безмерно расширяют полезную площадь, бесполезное пространство... Точно он опять впервые переступает порог школы, за которым его в тот же миг охватывает оторопь... Где неожиданно, не-

приемлемо для себя он открывает, что Монежка столь дорогой, любимый и единственный - всего-навсего еще один среди прочих других...

В полубморочном состоянии он выкарабкивается из-за стола... Без мысли, без цели волочит ватные ноги по квартире... натывается на мебель... у комнаты Германа наступает на игрушечный паровоз; хрустит под тяжестью тела пластик, обломок борта врезается в ногу...

Он вскрикивает, падает на колени, валится на пол, хватается рукой за ступню... всхлипывает, переполняется жалостью... проливает соленые слезы... скулит... ползет на карачках к кроватке сына, взбирается на нее, зарывается под покрывало, под одеяло, замирает, утешается соприкосновением тела с покойной поверхностью, стирает лишнюю влагу с лица, втыкается им в подушку... поглубже, часто сопит, забывается, засыпает, спит...

Он никогда не узнает, как на беговой дорожке фитнес-клуба Клара, потрясенная посетившей ее мыслью, что никому и никогда и в голову не приходило сравнивать с Иисусом Христом 33-летней женщиной, остановила свой бег... и упала...

Как ее привели в чувство в кабинете дежурного врача, и она вполне осознала, что вышла замуж за совершенное ничтожество и что вне всяких сомнений в такое же ничтожество вырастет их... нет, его... его Герман (она уже не раз подмечала за сыном Ньюшкинские гены)...

Как из фитнес-клуба она напрямик поехала к Собакину, приобрела у него пять граммов чистейшего кокаина и дала ему себя соблазнить...

Он не увидит, как, вернувшись домой и обнаружив его в детской кровати, она только пожала плечами и усмехнулась, приняв такой по-

ступок за жест, отмщение за ее "временную недоступность".

Как она, вынюхав четыре дороги кряду, позволила его родителям, объявила им о предстоящем разводе и устроила натуральный скандал, отослав подальше всю его горячо любимую семью, включая помянутого совсем не к месту свекровью знаменитого энтомолога-этолога дедушку Леонарда.

Как после она быстро накидала три чемодана и три дорожные сумки вещей.

Он никогда не услышит, с каким грохотом захлопнулась за ней выходная дверь.

Назавтра Иммануил Гавриилович Ньюш-кин пробудится и вместе со своей сплоченной семьей будет отстаивать свою непорочную репутацию и свое честное доброе имя, а сейчас в глухой покрывально-одеяльной пещере ему снятся взлетающие в серые небеса оранжевые рыбные палочки, которыми ловко жонглирует не то фокусник, не то клоун. Тот, кто так и не пришел...